

Юлия J. Черкасова

ЭРИДАН

сборник рассказов

Юлия Ж. Черкасова

Эридан. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27052404

SelfPub; 2017

Аннотация

Истории, кажущиеся невероятными только на первый взгляд. Хитросплетения событий, чудеса и реальность, удивительный и неповторимый внутренний мир человека – всё это нашло отражение в сюжетах, родившихся в глубине Зазеркалья. Атмосферные произведения наполнены особым смыслом, который предстоит разгадать читателю. В мультижанровый сборник вошли рассказы с философским подтекстом, сказки для взрослых и светлые ироничные истории.

Содержание

Хюль. Дорога троллей	4
Рынок свежих идей	21
Палермо. Синестетическая реальность.	29
Пролог	41
Объект 12335-Радуга	69
Идеальная встреча	79
Рондо	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Хюль. Дорога троллей

В иллюминаторе виднеются деревья. Откидываюсь назад и вжимаюсь в спинку кресла.

Сосед делает то же самое.

Сколько нас? Жду мягкого толчка, который ознаменует посадку, – и страх уйдёт.

Здесь не принято аплодировать, но, покидая салон, каждый раз смотрю влюблёнными глазами на командира.

Сегодня капитан воздушного судна – женщина. Может, поэтому так нервничает сосед?

«Зря, мы водим не хуже вас, – беззвучно возражаю ему, – и, пожалуй, аккуратней. Впрочем, автопилот рулит».

Сосед не слышит моих мыслей, и спустя несколько секунд облегчённо вздыхает – мы катимся по взлетно-посадочной полосе. Вместе с опорой возвращается уверенность в завтрашнем дне.

«Я в Осло», – пишу я.

«Ок», – прилетает в ответ.

Он бесспорно талантлив.

Второй конверт прячет радостный смайл.

И креативен притом.

Скандинавская столица встречает дождём и розами необычного оттенка. Нежная киноварь, смешанная с алым. В первый раз люблюсь этим цветком. Выхожу к заливу. Яхты выстроились так плотно, что, кажется, можно перепрыгивать с одной на другую, забавляясь игрой в морские классики.

Поезд отправляется через несколько часов, и есть время прогуляться. Рассматриваю прохожих. Дежавю. Знакомые лица. С изумлением понимаю, что похожа на норвежку, – или норвежки похожи на меня? Хотя и лишена их сдержанно-деловитой *непромокаемости*...

Не люблю достопримечательности – в них нет ничего примечательного, на мой взгляд. Дышу атмосферой. Она проникает в меня, и я мимикрирую, встраиваюсь в город недостающим фрагментом.

Иду наугад, меняя переулки, точно хочу запутать следы. Норвежский лис. Может, я была им в прошлой жизни?

Тихонько посмеиваясь, достаю из кармана телефон, прикрывая от мороси рукавом.

«Уютно».

«Я рад».

Смайл-поцелуй напоминает куриную гузку. Надеюсь, это не обида.

Я на лето сняла домик в горах. Тот самый, с мшистым палисадником на крыше. Мне нужно уединение, чтобы *дописать* роман. Готова одна глава. Я не мастер скорописи, но,

думаю, лето не подведёт.

Телефон выскользывает из рук – едва успеваю ухватить его в полёте, останавливаюсь, чтобы перевести дух. Передо мной крылечко с двумя ступеньками без перил и деревянная дверь, украшенная табличкой с номером. Я поднимаюсь и привычно тяну руку, чтобы открыть её... И тут же замираю. Вход притягивает – кажется, что за ним узкая лестница, ведущая на второй этаж, и ещё одна дверь, за которой тёплое помещение с плитой, рукомойником и горкой стоптанных башмачков.

Дёргаю ручку, но дверь заперта. Заставляю себя отпрянуть и вернуться на тротуар. Из распахнутого окна выглядывает пожилая дама с круглыми румяными щеками и яркими глазами. Она меняется в лице и быстро что-то восклицает по-норвежски.

Делаю шаг назад. Возможно, я нарушила правила? Частная собственность?

– Сорри, – отвечаю я, не зная, за что извиняюсь; на всякий случай добавляю. – Хэллоу.

Тороплюсь поскорее уйти. Поминутно оглядываюсь. Ноги ведут обратно к заливу. Надо отыскать рыболовецкий траулер! Выбегаю к причалу, озираюсь – того, кого ищу, нет в помине...

Опомнившись, присаживаюсь на скамейку. Что за помутнение рассудка? Пора пообедать и выпить кофе – кажется, утренняя аэрофобия выбила меня из колеи...

Оставшиеся до отправления поезда часы кружу по городу, разглядывая крыши. Теперь я не лис, а норвежская чайка.

Вокзал Бергена – островок железнодорожной готики, серый и немногочисленный. Я качу чемоданчик цвета фуксии, беззвучно извиняясь за моветон. Два квартала до автопроката, где меня ждёт юркий фиат, и ещё два часа по гладкой дорожной колее с туннелями и подъёмами.

Домик оправдал мои ожидания, а мохнатая ель на крыше превзошла их. Внутри всё по-простому – на тридцати квадратных метрах особо не разгуляешься. Есть шкаф, кровать, кушетка, кухня, и, главное, письменный стол! Остальное – излишества.

До ближайшего магазина десять километров, но с машиной это не проблема. В округе несколько домов, где обитают, по моим предположениям, такие же туристы. Я избегаю знакомств и наслаждаюсь природной гармонией. Иногда по дороге встречаю овечек с красными колокольчиками в ушках и машу с улыбкой пастуху, который бродит где-то поблизости.

Аэрофобия до сих пор не отпускает, точнее, она случайно повредила мой рассудок, лишив меня уединения. Я слышу голоса. Они рождаются внезапно и всегда звучат шёпотом.

– Смотри, это она!

Я выхожу из дома и оборачиваюсь...

– Хюль... – они искажают моё имя ненужным придыханием.

Здесь никого нет, кроме меня. Можно крикнуть, и эхо вернёт обратно звук, протянув его над плешивыми макушками гор. Каменные норвежцы дремлют, опустив наземь грузные тела. Мне кажется, что они по очереди присматривают за мной, приоткрыв сонные веки. Быть может, это они шепчут? Но им подходят низкие, глухие голоса – утробный гул земли – а *мои* всегда ребячливо-детские...

– Идёт-идёт... Глянь, какая! Вышагивает. Ишь ты, набралась модных штучек.

Я в растерянности, а они хихикают. В панике затыкаю уши и... *перестаю* слышать их. Чувствую легкое дуновение ветерка по пальцам, как будто кто-то незримый трогает меня. Опускаю руки.

– Она не хочет с нами говорить... – хныкают они где-то позади.

Стоп! Это что, наяву происходит? Я оглядываюсь и вижу, как разлетаются-разбегаются тени. Солнечные часы, отбрасываемые редкими деревьями, остаются недвижимыми. Голоса – не мои. Они реальны.

Страх нет, и я привыкаю с *ними* соседствовать. Вспомни-

наю годы взросления и перешёптывания парней за спиной.

– Смотри, какая!

Ей-богу, как глупые подростки. Спросите ещё, не нужен ли зять моей маме. Смешно. Не обращаю внимания.

– А куда это мы собрались?

– В магазин, – фыркаю я. – Вам что-нибудь привезти?

Молчат в ответ. Кажется, стесняются. Ну-ну. Чего при- тихли-то? Нравится пугать? Хихикать вслед? Начинаю злиться... Я ведь хотела уединения.

– *Хюль!* – дразнят они меня.

– Научитесь сперва выговаривать моё имя! – сержусь я. – и не мешайте работать.

Куда там... Подсматривают в окна, то и дело перешёптыва- ваясь. Стараюсь не разворачивать ноутбук монитором к ок- ну, чтобы не читали личных записей. Прячу телефон. Но они как-то умудряются заметить переписку.

«Как ты?»

«Пишу».

«Скучаю».

Смайлю в ответ.

Ёмкий, однако, диалог. Ничего лишнего.

– Кто это? – волнуются они.

– Что, опять?!

– Надо забрать у неё телефон!

Я зверею. Распахиваю окно настежь и ору:

– Только попробуйте! Уши надеру! А ну брысь отсюда!

Они вздыхают и умолкают, но далеко не уходят. Мельтешат невидимыми крыльями за окном, разгоняя утренний туман. Каждое утро я обнаруживаю новые отпечатки на стекле.

В один из вечеров, когда за дверью вновь раздаётся остервенённое сопение, меня прорывает.

«Как вы надоели! Хватит!»

Меня захлёстывает волной гнева. Ошпаренная порывом злости вскакиваю из-за стола и несусь к двери. Дергаю её на себя со всей мочи и хватаю за шкуру первого попавшегося. Его бестелесная плоть струится меж пальцев, но я крепко держу его. Встряхиваю. Он извивается дымком, точно нашкодивший котёнок, и тихонько скулит.

Высовываюсь наружу и яростно кричу в темноту:

– Ну что? Сами явитесь или по одному вас ловить?

Тишина наполняется вздохами. Они вливаются в дом, не касаясь порога, и выстраиваются передо мной в ряд. Шесть призрачных теней, и ещё одна – у меня в руках.

– Сколько можно меня уже... *троллить*?!

Они переглядываются и жмутся поближе друг к другу. Я отпускаю свою добычу, и седьмой скользит в полутьме, обретая робкие очертания, точь-в-точь такие же, как у остальных. Тени – так они, оказывается, те ещё скромняги! – дрожат, подталкивая друг друга, но никто из них не решается заговорить первым.

– И долго мы так будем молчать? – вспоминаю я преподавательскую практику.

Наконец, один осмеливается:

– Ты не узнаешь нас?

– Я догадываюсь, кто вы, – сердито отвечаю я. – Это нетрудно. Хотя вы не такие, какими вас представляют.

Они действительно не похожи на сказочных персонажей, наводнивших кинематограф, литературу и полки сувенирных магазинов. У них нет крючковатых носов, мохнатых кривых лап и хитрых физиономий. Передо мной хрупкие создания, сотканые из эфира. Горные духи... От них веет озорным ребячеством и трогательным наивом. Мне вдруг хочется усыновить всю команду.

Сердце щемит нежностью, и я говорю глупость, чтоб успокоить их.

– Хотите чаю?

– Ты *правда* нас не узнаешь? – шелестят они.

– Тролли... – уже не так уверенно говорю я. – Духи норвежских гор. Разве нет?

В ответ слышу долгий печальный вздох. Они смотрят на меня с тоской. Комната наполняется отчаянием.

– Ты не могла забыть нас!

– Забыть? – недоумеваю я.

Тролли срываются с места и летят ко мне. Меня окутывает лёгкий туман. Я закрываю глаза и вижу... Помню. Теперь я помню всё.

Солнце заливает белым светом проплешины исполинских гор, – гор, приютивших моих предков. Издревле здесь была наша обитель. Воздух соткан из памяти о духах, рождённых союзом огня, океана и вечности.

– Хюль! Где ты?

Я вынырываю и бью руками по воде, швыряясь в троллей брызгами. Они разлетаются, а я звонко хохочу. После переворачиваюсь на спину и закрываю глаза. Солнце греет лицо и сушит волосы, превращая их в золотистые пряди. Лежу так минут пять, не больше, и вновь ныряю, чтобы быстрее добраться до берега – в глубине легче скользить. Вода расступается – гладкой стрелой несусь вперед, выскакиваю на берег и взбираюсь на скалу.

Под ней – водопад. Бросаюсь в пену и съезжаю вниз, как по горке; бурлящая вода удерживает тело, не даёт провалиться под скалы. Молниеносно! Один вдох, и я внизу, кручусь-верчусь среди непослушных бурунов, раскидывая их во все стороны.

– Хюль!

Я выпрыгиваю из воды на берег и бегу за ними. Легко настигаю, хватаю одного и подбрасываю к небу, а после удираю – за мной не угнаться! Показываю язык, и они радостно хихикают.

Вдруг вижу группу туристов у подножья горы.

– Хюль, задай им жару! – шепчут тролли.

– А то! – задорно соглашаюсь я и мигом забираюсь на камень.

Люди замечают меня – внизу начинается оживление. Их изумлённые жесты и вытянутые лица забавляют меня. Я скидываю руки, выгибаюсь и встряхиваю длинными волосами, скрывающими тонкий хвост. Платье цвета тумана сливается с водой, и это делает меня похожей на бесплотную наяду – мою греческую свояченицу. Забыв обо всём, я танцую в брызгах водопада, а потом, словно опомнившись, падаю с отвесной скалы и растворяюсь в бурлящей пене.

Представление окончено!

Дома влетает по самое не хочу. Всезнающие горы доложили сестре о моих нехитрых развлечениях, и она расстроено укоряет меня.

– Опять дразнила туристов?

Я зажимаю рот, чтобы не прыснуть со смеху, и изо всех сил стараюсь изобразить серьёзную мину раскаявшейся грешницы. Но ничего не выходит, и я, захлёбываясь хохотом, сползаю на землю.

– А если тебя поймают?!

– Ну кто меня пойма-а-а-ет? – кривляюсь я. – Я неуловимая! Я – дочь горы!

– Дурочка ты, Хюль! Привадишь, и поймает. Ухватит за

хвост, и поминай, как звали...

– Никто меня не ухватит, – обижаюсь я; вечно она портит настроение своими страхами. – А если что, увернусь. Я сама буду выбирать себе жениха.

– Вот и выбирай тихонечко. Полюбите друг друга, и *позовёшь* его. Он обретет волю, и вы будете счастливы. А если поймают, то заберут в неволю, и станешь человеком. Разве можно так рисковать? Разве стоят того детские забавы?

– Нет... – испуганно кидаюсь к ней на шею, и крепко обнимаю. – Прости! Я такая глупая!

Через неделю встречаю в лесу чужака и прячусь в тот миг, когда он пытается навести на меня объектив. Любопытство мешает дать дёру – впервые вижу человека так близко. Забираюсь на дерево и из-под густых ветвей наблюдаю за ним. Он пытается понять, куда я делась. Так и не сообразив, подаёт голос:

– Ау!

Как же! Видали таких? Сейчас я поверю, что ты заблудился, и брошусь тебе на подмогу. Сижу тихо, не шевелюсь. Троллей, как назло, нет поблизости, чтобы спугнуть его.

– Где ты? – спрашивает он.

Да вот же я, прямо над твоей головой. Если бы не злополучный хвост, кинула бы тебе в маковку шишку, да покрупней.

– Не бойся, я не причиню тебе зла!

Сестра говорит, что с этих слов обычно и начинаются неприятности. Обмануть меня пытается.

– Я слышал, что вы – духи гор... – говорит он. – Когда увидел тебя у водопада, глазам своим не поверил. Все подумали, что это театрализованное представление, а я решил тебя разыскать.

«Чтобы оторвать мне хвост и увезти в свой человеческий мир? – мысленно отвечаю я ему. – Нет уж, не на ту попал».

– Я не трону тебя, – убеждает он меня. – Даю тебе слово Андерса.

– Кто такой Андерс? – спрашиваю я.

– Это моё имя, – он запрокидывает голову, догадавшись, что я прячусь в ветках. – Спускайся.

– Убери фотоаппарат.

– Хорошо, – он послушно убирает устройство в рюкзак. –

Вот, смотри, у меня ничего нет.

– Ты точно держишь слово? – сомневаюсь я.

– Разумеется, – кивает Андерс.

Я спускаюсь и замираю у дерева, готовая сорваться в бег, если он сделает хоть одно движение. Но он стоит, точно замороженный, и смотрит на меня. У него яркие тёмные глаза и оливковая кожа. Он выше меня на целую голову и крупней раза в два.

– Как тебя зовут? – спрашивает он.

– Хюль.

Он широко улыбается – так, что видны зубы, – и медленно протягивает ладонь.

– В наших краях этим жестом скрепляют дружбу.

Кивнув, я осторожно подаю руку. Он берёт её и придвигается ближе. Вдруг резко дёргает меня за хвост. Вскрикнув от сильной боли, я теряю сознание и... память.

Ноги ведут к заливу. Надо отыскать рыболовецкий траулер. Выбегаю к причалу, озираюсь – вот он! Андерс стоит на палубе и перебирает сети. Лицо довольное, значит, улов сегодня хороший.

– Андерс! – кричу я. – Я вспомнила! Вспомнила!

Он испуганно вздрагивает и выпускает из рук снасти. Рыба бьёт плавниками, выпрыгивая из сетей, и извивается – чешуя сверкает на солнце, а муж хмуро смотрит на меня. Я подхожу ближе.

– Что ты вспомнила, Кэролайн?

– Вспомнила, откуда я родом! Мне снился сон, в нём были леса, горы, водопады и высоченные скалы... Я родилась на северо-западе, Андерс!

– Кэри, это всего лишь сон, – он переводит дух и тут же успокаивается; хмурая морщина, прорезавшая было лоб, разглаживается.

Я готова расплакаться, как ребёнок.

– Почему ты не веришь мне, Андерс?

– Потому что ты выдумщица, Кэри. С кем ты оставила детей?

– С тётушкой Анне...

– Будет лучше, если ты пойдёшь домой.

Я покорно шагаю прочь – от залива до дома десять минут ходу. Иду, меняя переулки, до тех пор, пока не встречаюсь в одном из них с крыльцом без перил и тёмной дубовой дверью. Поднимаюсь по узкой лестнице и открываю вторую дверь, за которой прячется плита с умывальником и горка детских башмачков.

– Я вернулась! – звонко кричу я, и навстречу мне выбегают Уле и Грете.

Шестилетний Уле похож на меня – такой же хрупкий и золотоволосый, а его старшая сестра-погодка Грете – копия Андерса. У неё румяные круглые щёчки и яркие глаза.

– Мама, – кричат они, – мы поедem в сказочные горы? Туда, где ты родилась?

– Нет, – грустно отвечаю я. – Я ошиблась, мои родные... Мы отправимся в зоопарк.

– А ты приготовишь туманный кисель? – спрашивает Грете, и я улыбаюсь ей.

– Конечно, дорогая. Только наберу побольше тумана из окна.

Распахиваю ставни и делаю вид, что собираю в ковш воз-

дух, а после накрываю посудину крышкой и ставлю на плиту.

– А теперь марш в комнату, – приказываю я. – Волшебный кисель требует тишины!

Они несутся наперегонки в детскую, а я достаю из холодильника молоко и крахмал из шкафчика.

В зоопарк мы идём вчетвером: я, дети и тётушка Анне. Загоны с животными источают запах тоски и испражнений. В глазах обитателей – покорное бесчувствие. Утраченная свобода больше не манит их, а пятиметровая клеть с кормушкой и охапкой сена заменяет лес. Они не плачут, не о чем. Большинство рождены в неволе, и потому у них пустые глаза.

Я подхожу к лисьему вольеру и вижу равнодушную стайку облезлых зверей. Одна из лисиц подходит ко мне и изучающе смотрит через решётку. Я присаживаюсь на корточки. Мы встречаемся взглядами. Из-за спины вдруг появляются лисята – два бурых комочка на нетвердых ногах.

– Мама, – трогают меня Грете и Уле, – смотри, детёныши!

– Пойдёмте отсюда! – я вскакиваю, точно ужаленная. – Прочь из этого места! Никогда, слышите, никогда мы не вернёмся сюда!

– Почему, Кэри? – тётушка Анне с опаской глядит на меня; нет, я не рехнулась.

– Животные должны быть на свободе!

Взяв за руки Уле и Грете, увожу их. Они ещё маленькие

и не понимают. Им кажется, что я отказываю им в развлечении, но я неумолима.

«Запомните, дети, – беззвучно шепчу я, глотая слёзы. – Право на свободу имеют все. Нельзя отнять её у живого существа».

Теперь я помню. И с грустной улыбкой киваю троллям, которые окружили меня туманной стайкой.

– Хюль...

– Нет, – отвечаю я им. – Я рождена в неволе. Далеко-далеко отсюда. Там нет гор.

– Ты не изменилась, – шелестят они.

– Хвоста у меня нет... – задумчиво возражаю я. – Но я всё помню.

– Ты останешься! Мы не отпустим тебя.

– Это будет та же клеть, только горная... Свободу нельзя отнять.

Неразрешимая дилемма. Кроме бессловесной паузы, добавив нечего. Не спорят, но и не соглашаются.

Выхожу из дома. Вдали очертания гор с редкими огоньками. Дремлют, но я знаю, что один из гигантов, приоткрыв сонный глаз, наблюдает за мной. Воздух наполнен тайнами. Я чувствую неукротимость – она просыпается внутри и распускается счастьем, как куст норвежской розы.

Беру телефон, пишу смс.

«Приезжай».

«Ок».

**Хюльдра – сказочный дух в образе светловолосой девушки с коровьим хвостом.*

(24.07.2017)

Рынок свежих идей

Здесь тесно и шумно, словно в балагане. Такой агорафоб, как я, должен остерегаться толпы, но любопытство вновь хватает меня за нос и тянет в самую гущу. Пока чьи-то локти сердито пихают друг друга, я, прикинувшись невидимкой, легко достигаю цели.

Три прилавка, два грузовика, очкарик в синем халате и бородач в поношенном сюртуке – всё, как и всегда.

Бородач сегодня выглядит довольным. Гордо поблескивая глазами – я стою от него буквально в паре метров и вижу его расширенные зрачки – держит на руках склизкую субстанцию и с наслаждением наглаживает ее по... чему-то. То ли по холке, то ли по заднице: анатомических подробностей не разобрать даже вблизи.

– Что это? – не поворачиваясь, спрашиваю вполголоса у соседа.

Мы знакомы. Он здесь каждое утро, как и я, и тоже притворяется невидимкой.

Я помню его имя и узнаю в профиль – в толпе этого достаточно, чтоб стать друзьями.

– Новый продукт. Открытие века, – хихикает он в ответ.

Бородач слышит смех, и с негодованием смотрит сквозь

нас, пытаюсь определить его источник. Он досадливо морщится, укоризненно качает головой и тут же вскидывает над собой руки, поднимая субстанцию вверх. Лицо бородача медленно озаряется самодовольной улыбкой штангиста-триумфатора.

Толпа рефлекторно аплодирует.

Субстанция нервно вздрагивает и роняет комок слизи на сюртук своего хозяина.

Рынок свежих идей. Так называется это место. А я – абсолютно безыдейная личность, наделенная фасеточным зрением; так сказал бы любой, имей я наглость заявить вслух о своей позиции.

К счастью, я социофоб, и это определяет многое, в том числе радиус личного доверия.

Сейчас в этом радиусе лишь сосед с его неизменным профилем.

– Так что, быть может, это твой шанс выиграть пари? – смеюсь я снова, а приятель нарочито жалобно морщит лоб, и многозначительно молчит свое любимое: «Я вас умоля-я-ю...».

Идея, выставленная на публичное обозрение, начинает таять: субстанция теряет форму, обмякнув в руках демонстратора. Он резко встряхивает её, но она никак не реагирует – лишь капли зеленоватой жижи тягуче падают наземь.

– По-моему, она сдохла, – шепчет сосед.

Это замечают и остальные.

Зрители вполголоса переговариваются между собой, в то время как бородач тербит субстанцию, напрасно пытаясь её оживить.

Наконец, зевака, из тех, что побойчей, выкрикивает из толпы:

– Ерунда полнейшая! Что вы нам пытаетесь всучить? Разве не видите сами, что она не дышит?

– С ней всё в порядке, – возражает хозяин идеи. – Просто здесь условия не те. Кислорода много. В лабораторных она вела себя идеально.

– В вашей синтетической реальности она, может, и работала, но здесь, в социуме, приказала долго жить! – не унижается насмешливый голос.

Мне становится до жути любопытно. Обернувшись, я сканирую взглядом толпу, и обнаруживаю в нескольких метрах от себя мужчину в чёрном капюшоне, который полностью скрывает лицо.

Жаль, не прозрачный, так его могли бы видеть хотя бы свои... А тут неясно, то ли тролль, то ли новенький.

Бородач вдруг находит удачный контраргумент. Он делает шаг навстречу зевакам и властно объявляет:

– С ней всё в порядке. Идея работает. Она жива и чувствует себя прекрасно. Если вы этого не понимаете, проблема в вас – вы просто не способны воспринять её.

– Что?! – не верит своим ушам сосед и толкает меня в бок кулаком.

Я подмигиваю: «Смотри, что будет дальше».

– Слепцы! – восклицает хозяин субстанции и с негодованием замахивается ей – так, словно хочет швырнуть в нас бесформенную массу.

Я инстинктивно отшатываюсь, чтобы меня не забрызгало слизью.

Но бородач не разжимает пальцев. Качнувшись кулём, идея возвращается к хозяину и легонько бьёт его по пузу, оставляя на сюртуке влажное пятно.

Этот жест, как ни странно, вызывает у зрителей доверие.

– Да нормальная идея, – негромко произносит кто-то, – я видел подобное на западном рынке. Она на самом деле работает только в пассивном состоянии.

– Всё правильно, – тут же соглашаются остальные, – так и должно быть.

– Вы тут с ума посходили все? – мужчина в капюшоне озирается по сторонам; его голос, вмиг утративший уверенность, звучит всё тише и тише. – Вы что, не видите, что идея мертва?

– Это вы, любезнейший, мертвы – интеллектуально и духовно! – припечатывает эффектным словом свою победу под аплодисменты зевак бородач.

Тем не менее, инцидент не исчерпывает цели сегодняшнего визита. Вытянув шею, я изучаю то, что представлено на витринах – рынок не ограничивается субстанцией в руках бородача.

Пока тот вполне уже миролюбиво басит, его слабовидящий коллега в синем халате прогуливается вдоль своего прилавка, поправляя уложенный рядками товар.

– Как думаешь, есть здесь что-нибудь достойное? – вопрошает где-то позади меня звонкий молодой баритон.

– Не знаю. Как тебе крайняя в третьем ряду? – ему отвечает, судя по интонациям, такой же юный товарищ.

– Выглядит аппетитно. Возьмём?

На мгновение их тела закрывают мне обзор; шагнув вперед, парни зависают у прилавка, разглядывая понравившуюся идею.

– Какая-то она твердокаменная... – разочарованно говорит тот, что постарше. – Такой только гвозди заколачивать...

– Да вы что! – тут же подскакивает очкарик-продавец. – Она прекрасна! Каждый завиток, каждый штрих, каждый узор на своем месте. Это идеальная композиция. В ней нет изъяна.

– Да, изъяна нет, – соглашается второй парень. – Но и толку в ней тоже нет. Что с ней делать?

– Поставишь на полку мировоззрения, и она украсит твой

дом.

– У меня там и без того столько понапихано... Того и гляди, полка рухнет.

«Рухнет, и хорошо... – беззвучно встречаю я в разговор. – Выкинешь хлам, и создашь новую... Своими руками. Может, тогда и на рынок таскаться прекратишь».

Мои мысли теряются в громком вопле, который издает какой-то рассерженный мужик, выпрыгнувший, как чёрт из табакерки, из толпы.

Он тычет пальцем в горстку камней неясного назначения и возмущённо кричит очкарику в синем халате:

– Как вы посмели украсть мою идею! Это плагиат! Я буду жаловаться! Я придумал её две недели назад, а вы уже продаёте! Я требую свои деньги в стопроцентном размере! – и спустя мгновение уже спокойнее предлагает: – Или хотя бы половину.

– Она лежит тут с месяц... – машет рукой продавец. – Никто не берет. Не смешите меня, ей богу.

– Я требую своей доли! – игнорируя здравый смысл, настаивает на своём мужик.

– Сначала попробуйте её продать, и, так и быть, я заплачу вам агентские комиссионные.

– Но это моя идея! Она гениальна!

– Мне без разницы, чья, – спокойно парирует очкарик. – И мне до лампочки её гениальность. Мне главное продать.

Найдёте покупателя, получите половину.

Сосед наклоняется ко мне и насмешливо шепчет:

– Залежавшийся товар... Знаешь, что они делают, когда идеи приходят в негодность?

– Нет... А ты знаешь? – я с любопытством смотрю в глаза приятелю-невидимке.

– Угу, – кивает он. – Доводилось видеть, как они реанимируют их. Знаешь, в точности так же, как старые продукты. Вот только продукты хотя бы вымачивают в марганцовке, а здесь даже не заморачиваются. Делают упаковку поярче, рисуют пару известных фамилий и приклеивают новый ценник.

– И что, никто не замечает?

– Да по-разному... Кто-то молчит, кто-то, как мы, притворяется невидимкой, а кто-то очень даже верит. Здесь такой антиквариат попадается порой...

– Но возраст идеи вовсе не показатель её негодности... – задумчиво тяну я.

– Для тех, что выражают истину – нет. А ты видишь здесь хоть одну такую?

– Нет... Истина ведь не нуждается в продавцах.

Мы одновременно киваем, отворачиваемся друг от друга и ещё некоторое время стоим рядом, каждый в своих мыслях.

Зачем я здесь? К чему это бессмысленное любопытство?

День за днём я прихожу сюда, чтобы лицезреть свежую порцию суррогата, и в очередной раз убедиться в том, что знал и так, с самого первого дня.

Сосед же заключил странное пари – сам с собой – что однажды идея посетит это вздорное место.

Но мы оба понимаем, что это утопия...

– Пойдём отсюда, братишка. Я знаю один приличный бар, где двум социофобам можно пропустить по кружечке и нормально поговорить, – хлопает невидимка меня по плечу.

Я улыбаюсь.

Пожалуй, лучшее, что можно найти на рынке «свежих» идей, я уже нашёл – и это единомышленник-сосед.

(13.02.2017)

Палермо. Синестетическая реальность.

Декабрь подал мне руку, когда я ступила на трап. Рука оказалась тёплой и сухой. Я мягко пожала её в ответ. Он обнял меня порывом сирокко и тут же отступил назад, в осень, чтобы полюбоваться мной.

– Как ты выросла! Не узнать. Настоящая леди.

– А раньше была пастушкой? – усмехнулась я.

– Ребёнком. Кевином Маккалистером. Я взял бы у тебя автограф, если б где-то случайно встретил.

– Вряд ли, – покачала я головой. – В ту пору я носила платье.

Декабрь вздохнул, поражаясь моей несговорчивости – так, что я едва удержалась на ногах. Погрозив ему пальцем, я напомнила о цели визита.

– Познакомишь меня с П.? Ты обещал.

– Разумеется. Пойдём?

Она должна была встретить нас у терминала, но там никого нет, – никого, кроме толпы местных жителей, признавших во мне иностранную туристку.

– Белладонна! – кричат они наперебой. – Такси! Сити тур! Апатментс!

– Почему они предлагают мне бешеную ягоду? – изумляюсь я. – У меня что-то не так с выражением лица?

– Напротив, это комплимент. Впрочем, не обольщайся, они это всем говорят. Истинная *bellezza* – в твоей сумочке. Увы, здесь туго с работой – их можно понять.

Проезжая часть предпортовой улицы, точно горлышко непечатой бутылки с терпким Неро Д'авола, забита малолитражками – чтобы попасть на противоположную сторону, нужно уметь разгадывать лабиринты. Я с детства люблю их, потому, усадив Декабрь к себе на плечо, быстро просачиваюсь сквозь горлышко. Мне немного боязно. Декабрь смеется.

– Ты чего так напряглась? Принцип Парето здесь не действует.

Пыльные тротуары пестрят разбросанным повсюду мусором – мы свернули на *via Butera* и идём в сторону центра. От пыли слезятся глаза и чешется нос – кажется, меня атакует приступ аллергии.

– Может, зайдём в кафе и подождём её там? На корабле ужасный кофе – я до сих пор ещё сплю.

– Давай, – соглашается он. – Возьми мне капучино.

Я посмотрела на часы. Десять утра. До полудня здесь можно пить кофе с молоком.

Мы делаем заказ, присаживаемся за столик у окна крошечной кондитерской и разглядываем прохожих. Декабрю скучно сидеть просто так – он начинает хулиганить исподтишка. Кроны деревьев вздрагивают, а официантка, которая спешит к нам с подносом, придерживает пальцем счёт, готовый вот-вот вспорхнуть бабочкой и улететь в небо.

– Спасибо, – говорю я по-русски.

Её улыбка кажется безнадёжной. Мне становится грустно. Декабрь смотрит на меня и мягко обнимает за плечи – а после встряхивает.

– Отставить меланхолию! Чего глаза на мокром месте? Давай-ка взбодрись, глотни кофе, скушай тарталетку, – уговаривает он меня.

Кофе действительно бодрит. На миг мне кажется, что я заблудилась. Потерялась в пространстве и очнулась в каком-то странном пыльном месте, где меня не должно быть. Я снова – Кевин Маккалистер.

– Разве так бывает? – спрашиваю я.

– Что тебе не нравится?

– Зброшенность.

– Где ты умудрилась её найти здесь? – мой спутник кивает в сторону театра Массимо.

Площадь Верди кишит азиатскими туристами – я так и не научилась различать корейцев, японцев и китайцев. Впрочем, у последних – ленинский прищур и симпатичные лица. С расстояния сложно оценить их привлекательность – складывается впечатление, что по ступеням вверх-вниз лазают чёрно-жёлтые осы. На их фоне группа итальянских школьников кажется горсткой лесных муравьёв. Где-то там затерялись и мои соотечественники – с яркими крылами и раскатистыми голосами. Никто не смотрит на архитектурный шедевр – все поглощены селфи.

– Забавно, – говорю я. – Быть туристом теперь означает – видеть мир через объектив смартфона. Когда-то у странников были посохи, теперь – палки селфи. На смену орудиям защиты приходят орудия демонстрации себя... И ведь я не лучше!

– У тебя фотоаппарат, – напоминает Декабрь, – профессиональный.

– И что? Я купила профессиональную камеру... для чего?! Думаешь, для того, чтобы поймать луч солнца, уходящего за горизонт? Капли воды на чаячьих лапах? Кучевые облака, окружившие солнечный диск стайкой белоснежных цыплят? Нет!

– Нет?!

– Нет. Знаешь, для чего?! – теперь я громко хохочу. – Для того, чтобы цифровая камера не искажала моё лицо! Моё лицо на фоне таких же оперных театров. Словно всё это бы-

ло построено, создано, вылеплено, разбросано, запущено – исключительно для того, чтобы моё лицо нашло для себя интересный фон. Подумать только!

– Но это же лучше, чем ковёр? – *баянит* мой собеседник, и я надолго замолкаю.

После убираю фотоаппарат в кофр и наглухо застегиваю молнию.

Теперь я вижу её. Она стоит прямо по направлению моего взгляда и внимательно изучает меня. Декабрь ей знаком, а я – нет. Мы хором здороваемся – все трое – и она садится за наш столик.

У неё пышные золотистые кудри и мягкое бледное лицо с глазами чайного цвета, под которыми пролегли усталые тени. Она требовательно смотрит на нас, и я протягиваю ей меню.

– Пожалуй, я не откажусь от джелато кон бриош.

Я понимаю прямой намёк и машу официантке. «Мороженое в булочке? – переспрашивает та, – две порции?». Я, стыдясь своего дурного произношения, торопливо киваю головой.

Пока я разглядываю наряд незнакомки, та едва заметно улыбается. Она одета во что-то празднично-элегантное, но старомодное – родом из бабушкиного сундука. Кажется, теперь это называется винтаж. Бархатная юбка пыльного ша-

франового оттенка, блуза цвета слоновой кости с многочисленными рюшами на воротнике-жабо, и старинное ожерелье из камней, обрамлённых витым червлёным серебром. В этом нет ни малейшего намёка на подиумность, шик или повседневность, ставшие привычными для нас.

П. многозначительно молчит. Вместе с ней молчу и я – у нас с ней одно уныние на двоих. В этот момент радостным выглядит только декабрь – но, кажется, здесь он всегда выглядит радостным. Официантка приносит заказ. Когда П., поднимает руку, чтобы принять свою порцию джелато, я вижу на её блузе рваную прореху – точно под мышкой. Она даже не пытается прикрыться, и с невозмутимым видом трогает ложечкой десерт.

Я рассматриваю кружева на её груди – кое-где они покрыты бурыми пятнами, которые так въелись в ткань, что не отстирать. У локтя красуется заплатка, а бархат местами потёрся – хорошо, что не до дыр. Я понимаю, что её одежда не глажена.

Она замечает это и равнодушно говорит:

– Утюг сломался, и денег нет, чтобы купить новый. Этот *bastardo* отбирает всё...

– *Bastardo*? – удивляюсь я, думая, что она имеет в виду непутёвого отпрыска. – Я и не знала, что у вас есть сын.

– Если бы! – П. демонстрирует жест, значение которого мне сложно определить; наверное, это досада.

Декабрь наклоняется к моему уху и шепчет:

– Это её сожитель. Пьёт из неё все соки. Посмотри, до чего дошёл. Иногда даже поколачивает – но сейчас реже, силы уже не те.

– Куда же смотрит полиция?

Она слышит моё последнее восклицание и догадывается, о чём мы перешёптываемся с Декабрём.

– А что полиция? – вмешивается она. – У него там родственники. Я могу хоть сотню заявлений написать – всё бесполку!

– Как же так? – сокрушаюсь я. – Вы ведь такая красивая... Вы достойны лучшего.

П. отворачивается. Я успеваю увидеть слёзы, блеснувшие в её глазах. Мой спутник, пытаюсь утешить, ласково треплет ей волосы – макушки деревьев качаются и шумят листвой.

– Вы не знаете, какой я была... – медленно произносит она, не глядя на меня. – Вы не знаете, какие мужчины добивались моей руки. Вы не знаете, как я была счастлива, – и как я была несчастна.

Я молчу. Мне сложно угадать её возраст – я лишь понимаю, что она много старше меня. Наверное, у неё богатый жизненный опыт.

– Когда я была совсем юной, – я, как Ассоль, грезилась о любви. Я всё ждала, что он вот-вот появится из-за горизонта – и неважно, какого цвета будет парус у его корабля. И знае-

те, он появился... Финикийский моряк, искренний и отважный. Он влюбился в меня с первого взгляда – и я стала его женой. Он говорил, что я прекрасна, как цветок... С ним я была счастлива и беззаботна.

– Что же случилось?

– Он отказался от меня. Я горевала, но недолго – в мой дом вошёл дерзкий римлянин. Воин в доспехах. Не скажу, что я любила его – скорее, я не смогла ему отказать. Он владел мной, как владеют драгоценностью – я не могла сопротивляться такой жгучей страсти. Вы испытывали когда-нибудь подобное?

– Нет...

– О, тогда вы не поймёте меня. Безумие сердца дарит ни с чем не сравнимое наслаждение. Его невозможно представить, не побывав в нём.

– Я бы не хотела... – жалобно тяну я, – опустошать себя во славу бойцов любовного фронта.

– Хотя, знаете, вы правы... – признаёт она. – Мой дом опустел, и он его покинул. Он растратил всё, что подарил мне финикиец – и когда достаток обратился в пыль, он бросил меня. У меня ничего не осталось, кроме молодости и красоты – впрочем, этого ещё было вдоволь... Скажите, вам нравятся немцы?

– Никогда не задумывалась. Почему именно немцы?

– Его звали Теодор. Суший варвар. Он был моим любовником, но недолго – я заскучала и сбежала от него к ино-

странному консулу. С консулом было спокойно и хорошо, но он оказался таким... консервативным. Сплошные запреты. Проще уйти в монастырь, чем жить с ним. И я ушла. Но не в монастырь, а к другу его приятеля, красавчику-сарацину. О, мы смотрелись поистине чудесной парой. Жили весело, дружно, и даже затеяли совместный бизнес.

– Мне кажется, тогда ты была по-настоящему счастлива, – промолвил Декабрь. – Хотя до сих пор не желаешь признать это.

– С чего бы вдруг? Разве забыл, кем я стала потом?! Откуда, по-твоему, у меня все эти платья и украшения?

– Ну, понятно, – вздыхает мой спутник. – Только и остаётся, что любоваться ими... Вспоминая былое величие.

– Я стала королевой, – гордо произносит она, выпрямившись. – Коронованной!

– Она заняла первое место в конкурсе «Мисс Мира» благодаря своему любовнику. Собственно, она и связалась с ним исключительно из-за того, что он посулил ей корону.

– Ты не прав, – качает она головой. – Я любила его. И он меня любил, потому и сделал королевой. Он построил для меня величественный дворец и грандиозный собор – такое способно сотворить только любящее сердце. Если бы только не его склочное семейство... Впрочем, благодаря им я получила образование... Занялась живописью, музыкой, поэзией... у меня в ту пору было столько поклонников! Все восхищались мной.

– Помнишь, как ты вlepила пощёчину этому французу? – хихикает Декабрь.

– О, да. Как его звали? Шарль, кажется... Наглец! Притворившись, что ухаживает за мной, попытался выкрасть золото. Какая подлость! Потом я встречалась с испанцем, долго, пока не начали часто ссориться – и я его прогнала.

– И что же было дальше?

– Дальше? – она довольно хмыкает, вспоминая, видимо, нечто приятное. – Мне все надоели, и я решила жить одна. Вот тут-то и наступило счастье... Делай что хочешь, и никто тебе не указ.

– Но почему же теперь всё иначе? – изумляюсь я. – Вы ведь узнали счастье. Как же вы смогли отказаться от него?

– Женская глупость... Влюбилась в этого... не знаю, как назвать его, не используя бранных слов. Мошенник! Сыпал обещаниями, как рог изобилия – а стоило сойтись, и он тут же превратился в чёрную дыру. Ненасытный *bastardo*! Я всё ему отдала. Хорошо, что хватило ума припрятать драгоценности, чтобы он не приделал им ноги. Дома разруха, всё разваливается буквально на глазах. Он ничего не хочет делать, только твердит своё любимое «дай-дай». Я прошу починить утюг или купить новый – не тут-то было... Что уж говорить о ремонте?

– Как же быть? – мне безумно жаль её, эту прекрасную измождённую женщину, которая даже в мятом платье умудряется выглядеть по-королевски.

– У меня есть идея... – понизив голос до шёпота, сообщает она. – Я дала объявление об аренде комнат. Они пустуют, и почти уже развалились – я согласна сдавать их просто так, за бесценок, при условии, что арендаторы возьмут на себя ремонт. А среди них, может, порядочный мужчина найдётся – такой, чтоб не пил и занимался хозяйством.

Декабрь одобрительно кивает, и я вижу в её глазах проблески оптимизма. Теперь она улыбается от души.

Я смотрю на часы.

– Мне пора.

– Рада знакомству, – будто опомнившись, Палермо говорит мне то, что полагалось сказать ещё при встрече, – и буду рада возобновить его, когда вы посетите нас вновь.

Я возвращаюсь на корабль – Палермо и Декабрь провожают меня до трапа. Напоследок Декабрь целует меня яркой закатной вспышкой, а Палермо долго смотрит мне в глаза. Скалистый прибрежный пейзаж растворяется в дымке наступившего вечера, и я мысленно прощаюсь с ним – до следующей зимы.

734 г. до н.э. – финикийские моряки основали г. Сис (Палермо);

254 г. до н.э. – город захватили римляне;

515—535 гг. – нашествие варварских племен (остго-

тов);

535—831 гг — годы правления Византийской империи;

831—1072 гг — землями владели сарацины;

1072—1266 гг — сицилийское королевство (норманны);

1266—1282 гг — правление Карла Анжуйского;

1282—1860 гг — под властью испанских королей;

1860—наст. вр. — Итальянское королевство, Италия.

Из-за разгула мафии Сицилия считается самым бедным регионом в стране.

(22.06.2017)

Пролог

Сто семьдесят шестой день

Из раза в раз одно и то же, – за полгода ничего не поменялось. Передо мной стол, за которым сидит худощавый мужчина. Он крутит стопку стикеров в руках и время от времени, черканув что-то ручкой, отрывает и клеит на край клавиатуры бумажный лепесток.

Мне удаётся разобрать вопросительные знаки, комбинации букв, восклицания, тире и двоеточия. Беспорядочный отрывистый курсив. Почерк? Шифр?

«Следовало бы разгадать его».

– Как я выгляжу? – спрашивает он на полном серьёзе.

– По-моему, неплохо, – бездумно кокетничаю я.

Он похож на актёра. Известного. Того, что последним играл Бонда.

Голубые глаза смотрят холодно; растеряв с годами задорные искорки и лучики тепла, они сделались отстранёнными и потому кажутся водянистыми.

Мужественный овал лица, твёрдый подбородок, переходящий в крепкую шею, резко очерченные скулы с худыми впадинами щёк и смуглая от загара кожа. Такая внешность может быть в равной степени угрожающей или импозантной

– всё определяет рост. Мой собеседник невысок, поэтому выглядит импозантно. Но держится угрожающе.

– Какого цвета радужка?

– Такого же, как и до отпуска. Голубого.

Он бесстрастно улыбается, быстро-быстро моргает и нажимает что-то у себя на клавиатуре.

Я гляжу через камеру в его чёрные глаза и... торможу. Слов нет.

Секунд через пять до меня доходит.

– Это что, какая-то новая прога?

Он пожимает плечами. Поди разберись, что тут новое, а что неизученное старое. Может, прога, а может, и функция.

Мне не нужен его ответ, – я только что придумала его сама. Догадалась. Так это называется.

– Ася, я нравлюсь тебе?

Личный вопрос застал меня врасплох.

Не знаю, как правильно ответить.

Надо как-то исхитриться съехать с неудобной темы – проблемы с начальством мне ни к чему. Ласково и нежно. Почесать спинку мужскому самолюбию, мягонько улыбнуться и ответить так, чтобы меж нами образовалась глухая стена из прозрачного железобетона.

Можно обмануть, сказав: «Да», но будет сложнее... Впрочем, погодите, между нами тысячи километров. Чем я рискую?

Собой. Это неверный ответ.

А я не умею лгать, потому что меня этому не научили.

– Такой сложный вопрос? – поморщился он.

– Да, – призналась я. – Какой ответ вы ожидаете услышать?

– Любой.

– Тогда я не стану отвечать.

– Почему? – Иван Дмитриевич отодвинулся от монитора, скрестив на груди руки.

Тень от люминесцентной лампы скользнула по его щеке, и на мгновение картинка затуманилась. Наверное, скайп под тормаживает.

– Не хочу проблем.

– В чём проблема?

– Это тест на гибкость мышления? – уточнила я.

– Нет. Закрытый вопрос с множественным выбором, в котором любой ответ является правильным.

Теперь я понимаю, что допустила ошибку. Мне стоило вперёд определить его мотивы. Отчего же я сразу не догадалась, что его интересовала моя реакция?

Эмоции, вот что лежит в основе заблуждений. Я повторила эту фразу вслух. Он удивлённо приподнял брови.

– Какие эмоции, Анастасия?

– Страх.

– Интересно... – он принялся размашисто что-то черкать

у себя в бумагах.

Я терпеливо молчала, ожидая, когда он возобновит беседу.

Исписав несколько листков вязью кудлатых закорючек, Иван Дмитриевич поднял голову и уставился на меня. Точнее, вперил свой колючий взгляд в монитор, откуда я с видимой безмятежностью улыбалась ему.

– Вы ещё не пришли в себя после отпуска, – предположила я.

– Меня смущает твоя непоследовательность, – возразил он.

Я напряглась. Тень вновь пробежалась по его лицу, шмыгнув за левое ухо, хотя он не двигался. Показалось? Нет. Мужчина провёл рукой по волосам, будто пытаясь нащупать кого-то незримого, но осязаемого, и стряхнуть. Нервы.

– Мы оба устали, – подытожила я.

– Хорошо. Давай на сегодня закончим.

Я выключила камеру. По спине побежал холодок – словно сотни ледяных иголок впились в позвоночник.

«Неприкаянная жизнь. Миллион неразгаданных символов. Алгоритмы ненужных задач. Ты должна избегать отрицаний, разве не помнишь? Один положительный ответ заменяет бесконечное множество отрицательных».

Голова была забита ерундой, а душа просила тепла. Я

набросила на плечи шаль и, зябко съёжившись, тихо проскользнула на террасу, где отдыхал муж. Остановившись поодаль, залюбовалась им.

Смешной. Сидит с отсутствующим видом, как ребёнок, и, запустив пятерню в волосы, теревит вихры на макушке, сосредоточенно изучая что-то в телефоне. То ли читает детектив, то ли новостную ленту, со стороны не понять.

– Тридцать градусов, – заметил он, кинув на меня беглый взгляд. – Ты, вообще, как?!

– Не знаю, Паш, – неуверенно ответила я, – чего-то не по себе.

– Тебе бы согревающего выпить... Сейчас...

Он ушёл в дом, а я упала без сил в кресло-качалку. На миг меня охватила дрожь и тут же отпустила – вслед за ней пришла сладкая нега умиротворения. Тело словно растворилось, превратившись в невесомое облако, лишённое границ и очертаний. Я с головой погрузилась бы в небытие, но мешал – или наоборот, помогал? – запах. В воздухе *ярко* пахло травой, соседской свежескошенной зеленью, и это постепенно приводило меня в чувство.

Солнце ещё в небе, но уже вечерет. Сумеречный полог соткан из грусти: надо вытерпеть, выдюжить эти трудные полчаса, что он опускается на землю, и наступит ночь – я уплыву в её лабиринт. Темнота не имеет оттенков, но у неё есть множество теней. И каждая рисует свой эскиз. Ночь на-

полнена тоннелями, спусками и подъёмами, уровнями и переходами – это время дремучего зазеркалья. Она дарит намёки, ускользящие с рассветом вспять, в тьму, которая их породила – кроме тех, что, минуя её, выходят навстречу расцвету и оживают, воплощаясь в завязях, бутонах и ростках...

Люблю утро, – свежее, бодрящее, с терпко-горьким ароматом кофейных зерен. Пробуждающий ото сна напиток помогает сделать первый осознанный вдох. И улыбнуться – по-настоящему, от души. Не широко, хищно обнажив ровные зубы, а едва заметно приподнять уголки губ, чувствуя, как сердце занимается беспричинной отрадой.

...Когда Пашка вернулся на террасу, я полулежала в кресле, перекинув ноги через подлокотник, и пыталась вспомнить вчерашний день.

Он подал мне кружку с чаем, и недовольно покачал головой:

– Что они там с тобой делают?

– Да что со мной можно делать по скайпу, Паш? – взмолилась я. – Мы просто беседуем.

– Это-то и странно. Кто станет платить за ерунду? Полгода.

– Вопросы задают, я отвечаю. Что тут странного?

– Ась, зачем?! Зачем им это? Ты в курсе, сколько зарабатывают на опросах? Сущие копейки, а у тебя... Или ты недоговариваешь что-то?

Я промолчала, дёрнув плечом. Мои опросы другого рода, но муж не должен знать об этом. Кажется, я подписывала бумагу о неразглашении. Не помню.

Они сами связались со мной. Иван Дмитриевич и его помощник, дядька со скучным лицом и брезгливо поджатыми губами. Я не знала, чего они хотят, но отказать не имела права.

«Безотказная ты, Аська», – вздыхает в таких случаях муж. А меня не научили говорить субъективное «нет».

Объективное можно, а субъективное невозможно.

– Не нравится мне это. Если ты не скажешь мне, я сам позвоню им, – разозлившись, Пашка всегда пускает в ход ультиматумы.

– Я просто рассказываю, что мне известно, – растерянно прошептала я. – Из разных областей науки.

– И всё? Это что, игра в умники и умницы?

– Игра? – переспросила я, не понимая, что он имеет в виду.

– Ась, ты как с луны свалилась... – недовольно буркнул муж. – Какая, на фиг, наука?! Ты к ней никакого отношения не имеешь!

– Отвечаю на вопросы. Из разных облас... – стоп, это уже рекурсия. – Паш, не злись...

Чай остыл, пока я пререкалась с ним.

Не хочу ссориться, и не хочу думать.

Хочу наслаждаться летней безмятежностью, слушать убаюкивающий шум водопада, погружаясь в сладкое забытие полудрёмы. Утопать в сочных красках распускающихся бутонов пионов и роз, обступивших террасу в пышных нарядах придворных дам. Королевский двор. Я чувствую себя здесь самозванкой, пастушкой, украдкой прикорнувшей в светлейших покоях, и меня это нисколько не смущает. Меня вдохновляют ароматы, ощущения и звуки – без них мир стал бы безжизненным.

И я исчезла бы в тот же миг.

Сто семьдесят седьмой день

– Вам известно значение моего имени? – дождавшись удобного момента, я задала Ивану Дмитриевичу вопрос, нарушив негласные правила наших с ним диалогов.

– Думаю, вы знаете это лучше меня, – парирует он, возвращая меня к пассивной роли объекта. – И что же?

– Воскрешение. Возрождение к жизни.

Он кивнул:

– Что есть жизнь?

– Движение, – не задумываясь, ответила я. – Движение, пронизанное смыслом.

– Что в его основе?

– Изменение импульса под воздействием внешних сил, если речь идёт о материальной точке. Впрочем, я предпочитаю систему.

– Равновесную?

– Не всегда. Возрождение – это переход в другое состояние, что исключает равновесность...

Моя реплика звучала вопросительно и оттого неуверенно, хоть я в своих словах не сомневалась. Тягомотина. Если бы он поведал мне что-то новое, я наострила бы уши, как следует, но отвечать здесь приходилось только мне. Надоело.

За спиной мужчины висели часы; циферблат, как луна в третий день после полнолуния, виднелся почти целиком. Без пятнадцати минут шесть. Ещё четверть часа томительной скуки.

– Ты приравниваешь возрождение к эволюции? – спросил Иван Дмитриевич.

– Почему? Не обязательно... – теперь мне стало интересно; я пригнулась к экрану, словно вознамерилась заглянуть в него, однако мой собеседник этого не заметил. – Если речь идёт о скачкообразной эволюции, которая случается после того, как всё разрушается до основания, то, безусловно, можно говорить о ренессансе, духовном или физическом.

– Ящеры перед тем, как обзавестись крыльями, рухнули без сил?

– Или птица Феникс возродилась из горстки пепла.

– А кем она была до?

– Крокодилом, – расхохоталась я. – Аллигатором. Кайманом. Злым и очень зубастым.

Он выронил ручку и уставился на меня так, словно я съе-

хала с катушек. Пауза длилась минуты две, и у меня заболели скулы от напряженной улыбки, которую то и дело приходилось подтягивать.

– Ася, это шутка? – догадался он. – Не может быть.

– Почему бы нет? – теперь пришёл мой черёд удивляться. – Я нарушила правила? В должностной инструкции есть запрет на шуточный тон?

– Нет, просто... Мы как-то не думали о чувстве юмора, когда писали... Не закладывали...

– Ну, извините, – развела я руками в стороны. – Мама с папой заложили в детстве, тут уж что выросло, то выросло.

– Ты о чём? – нахмурился Иван Дмитриевич.

– Ай, да не заморачивайтесь! – насмешливо фыркнула я, и мой руководитель почему-то сделался пунцовым. – Давайте вернёмся к обсуждению.

Он недоверчиво покачал головой, и бледно-серое пятно на холодном глянце стены заметалось, запрыгало туда-сюда, меняя свои очертания, словно фигура в театре теней. Пока он вытирал лоб бумажной салфеткой, я рассматривала пальцы невидимого актёра, тёмной дымкой трогающие лунные часы. С любопытством.

– Но почему крокодил? – спросил он.

– Рептилия. Тот же ящер. Доля истины есть и в этой шутке.

– Хорошо, – не стал спорить Иван Дмитриевич, – продолжим. Элементы материи. Что ты можешь сказать?

– Земля, воздух, огонь и вода. В основе античного мировоззрения – принцип подобия. Земля – структурная основа, каркас любого существа, системы или явления. Огонь – энергия, искра жизни, динамическое преобразование. Вода – любовь. Воздух – свет. Последние два элемента – на самом деле едины, но пребывают в разных состояниях. Мне кажется, правильнее говорить о триаде. Структурная основа, любовь и энергия. Однако кое-чего не хватает.

– Чего же?

– Информации. Она определяет вектор и содержание. Без неё случится хаос, застой или ничто.

– Как она возникает?

– Информация бывает первичной и вторичной. Вторичная – производное сознания, первичная относится к первоначальному разуму. В начале было Слово. Но его истоки лежат за пределами точки сингулярности, и потому сложно угадать... Пока мы можем похвастаться лишь тем, что создаем своё информационное поле, расширяя коллективное сознание.

Иван Дмитриевич пометил что-то у себя в блокноте, а я пожалала плечами.

– Сказать по правде, я не понимаю, почему вы меня об этом спрашиваете. Я ведь не академик, и мои познания ограничены школьным и институтским курсом...

– Простите?! – поперхнулся мой собеседник. – *Каким* курсом?

– Общеобразовательным... Физика, биология, математика. Думаю, что от нашей болтовни нет толку. За что вы платите мне?

– Ася, что с тобой происходит? – не понял он.

– Восемнадцать ноль-ноль, – я ткнула пальцем в камеру, указав на часы за его спиной, и сразу же отключилась.

У нас годовщина. Мы решили обойтись без пафоса, – и улетели в Пафос. Теперь сидим на берегу и утопаем в вечерней дымке, а набегающие волны играют с нашими ступнями, трогая их по-кошачьи игривой кружевной пеной, тёплой, как парное молоко.

– Щекотно, – пожаловался муж.

Я дурашливо фыркнула ему прямо в ухо, и тут же отстранилась.

– Я всё время забываю, как мы познакомились, – проговорила я вдруг. – Сейчас мне кажется, что я вот так же сидела на берегу, только одна, а ты проходил мимо, но не прошёл, а остался.

– Так и было, – согласился он; я не видела, но чувствовала в темноте, как он усмехается.

– А если серьёзно?

– Не скажу... – ответил Пашка. – Как бы ты хотела?

– На самом деле мне всё равно. Главное – то, что происходит теперь.

Обнявшись, мы упали на песок, и, запрокинув головы, долго-долго любовались небом, чёрным и бархатным, как дно безразмерной шкатулки. В нём бриллиантов столько, сколько нет даже у самых богатых шейхов... А у меня – один, но самый дорогой. А скоро будет два!

– А ты кого хочешь? Девочку или мальчика? – спросила я.

– Кто получится, – весело ответил муж. – Можно сразу двух.

– Вот только работа... Мешает. Не даёт расслабиться. Иван Дмитриевич... У него колючие глаза, неживые, и почему-то я тоже перестаю быть живой. Как будто меня нет.

– Ты есть, – возразил Пашка.

– С тобой есть. Не знаю, зачем я согласилась... Устала я от них, Паш.

– Так откажись. Скажи, по семейным обстоятельствам не можешь продолжать, да и всё.

– Они не знают о семье...

– Как так?! – Пашка резко отстранился, сел, и уставился на меня, а потом возмутился. – Почему ты скрываешь?! Чем вы там занимаетесь?!

– Да ничем таким... Беседуем. Просто речь никогда не заходила, и я почему-то решила утаить. Знаешь, на днях упомянула родителей, так Иван Дмитриевич чуть со стула не упал, как будто я сказала что-то абсурдное.

– В смысле? Они же в курсе, что ты не сирота.

– Ага. Но о тебе лучше не говорить. Не поймут.

– Что значит не поймут?!

Пашка прав. Работа эта меня уже порядком достала. Хочу плавать счастливым планктоном по шумному офису и общаться, не задумываясь о смысле, безо всех этих систем, законов и концепций. Пить чай в обед, смотреть в открытые лица, румяные, веснушчатые, небритые, гладкие, с родинками и ямочками на щеках. И видеть глаза тёплых оттенков с живыми искорками света. Неужели это возможно?

– Возможно, – прочитал Пашка мои мысли. – Скажи, что муж против, и ты увольняешься.

Впервые в голове полнейший раздрай и анархия.

Сто семьдесят восьмой день

Иван Дмитриевич вёл себя дружелюбно, однако в его водянистых глазах время от времени мелькала тень подозрения, словно он предчувствовал непростой разговор.

Я не стала ходить вокруг да около.

– Нам пора завершить сеансы, – твёрдо сказала я. – Муж настаивает. Мы планируем детей, и мне нужно подготовиться, отдохнуть морально и физически. Извините.

– Что?! Какой муж, Ася, какие дети?! У тебя не может быть ни того, ни другого.

– Почему? – остолбенела я и глянула в левый нижний угол монитора; там виднелось симпатичное девичье личико.

«У него что, проблемы со зрением?! Или с головой?»

– Потому что ты программа. Искусственный интеллект.

Мы создали тебя полгода назад.

– М-м-м, – такой «неоспоримый» аргумент начальника крыть нечем. И незачем.

Ох... Как же я сразу не догадалась?! Холодный рыбий взгляд, своеобразные манеры, псевдонаучные диалоги и неестественное поведение. Я связалась с сумасшедшим! Вот это я дала маху...

– Хорошо, – осторожно согласилась я, зная, что с психами спорить бесполезно. – Но я получаю зарплату. Как вы объясните это?

– Впервые слышу, – искренне изумился он.

В начале месяца Иван Дмитриевич перечислил аванс.

Я в недоумении молчала – до тех пор, пока, порывшись в антресолях памяти, не извлекла нужный фрагмент-цитату.

«Параноидный психоз проистекает с формированием сверхценных идей».

Ясно-ясно. Светоч науки выдумал очередную программу искусственного интеллекта. Наверняка тут «замешаны» секретные службы, правительство или инопланетяне. Мне доводилось читать всякие истории душевнобольных.

Осознав, что влипла в абсурдную ситуацию, я ласково поинтересовалась:

– Наверное, работаете на правительство?

– Нет, – он прищурился, вглядываясь в монитор.

Меня осенила догадка.

– Иван Дмитриевич, если я искусственный интеллект, то

кого же вы видите на экране?

– Окно с нашей перепиской.

– Мы же голосом общаемся, – снисходительно заметила я. – О чём вы?

Он по-чудному вытаращил глаза и уставился в экран, словно надеялся там отыскать следы несуществующей переписки, а затем, неловко поёрзав на стуле, пробежался пальцами по клавиатуре.

– Вот, лови скрин, – сказал он, и в скайпе замигало входящее сообщение.

Я открыла файл. Фотография диалогового окна с нашей беседой – в письменном виде. Я замерла. Что это?! Хотя... Если есть функция голосового ввода, то наверняка имеется специальная прога для скайпа, которая распознаёт и записывает речь. Хорошо он подготовился, ничего не скажешь...

Всё-таки шизики гениальны по части самообмана – их подкорка буквально фонтанирует изобретениями. Такую изобретательность облечь бы в одежды науки, да направить в мирное русло – человечество сказало бы спасибо, но нет – этих товарищей интересует только собственная исключительность! Как-то мне встретила теория, что шизофреники имеют в анамнезе подавленное чувство превосходства... Несостоявшиеся нарциссы.

– Хорошо, я вам верю, – соврала я, чтоб побыстрее покончить с этим. – Но искусственный интеллект нуждается в передышке. Вы открыли мне глаза сегодня, и теперь мне

нужно обработать информацию, как полагается. Загрузить новые данные в хранилище, подкорректировать алгоритмы, усовершенствовать реплики... Понимаете, о чём я?

– Конечно, – кивнул Иван Дмитриевич. – Ты хочешь взять паузу?

– Да, если вы не против.

– Хорошо. Всего доброго, Ася! До завтра!

– До завтра! – попрощалась я, думая о том, что не выйду больше на связь.

Вот и всё. Завтра напишу ему по электронке, что мы больше не увидимся. Пашке расскажу – не поверит, а когда поверит, то будет меня ругать на чём свет стоит, что я полгода общалась с психом. Да что уж тут, как вышло, так вышло...

Муж загорал у бассейна; я обещала сходить с ним на пляж, когда освобожусь. Сунув в соломенную сумку купальник и махровое полотенце, я выглянула в окно, чтобы помахать ему.

– Паш... – и тут же осеклась, не узрев привычного бассейна в окружении шезлонгов.

На его месте зияла дыра, рваная земная рана, из которой сочилась вязкая маслянистая жидкость оливкового цвета. Люди куда-то попрятались, и кафе словно испарилось – лишь гостиничные корпуса стоят, как ни в чём не бывало.

Ещё час назад здесь царило оживление и звучало многоголосье весёлых компаний.

– Не-е-ет! – закричала я по-детски истошно, изо всех сил, не помня себя от ужаса, вмиг охватившего меня. – Пашка!

– Почему ты кричишь? – послышался спокойный голос за моей спиной.

Я обернулась и, увидев в метре от себя мужа, бросилась ему на шею.

– С тобой всё в порядке... Слава богу! – я крепко вцепилась в него и потянула к двери, причитая. – Срочно, бежим отсюда! Надо спасаться!

– От чего? – он отпрянул, придерживая меня за руки, и с любопытством повторил. – От чего спасаться-то?

– Там раскол, дыра!

– Ну и что? Можно подумать, ты не видела дыр... Залатаем.

– Паш, ты издеваешься?!

Меня трясло. Я была готова, сорвавшись с места, бежать отсюда прочь, не разбирая дороги: в город, аэропорт, к причалу. Я дёрнула Пашку за рукав, но он безразлично пожал плечами.

– Пойдём лучше купаться. Сделай так, чтобы раскол исчез, и верни людей в отель.

Его монотонная не к месту речь звучала неестественно – в духе кошмара, творившегося снаружи. Сердце на секунду замерло и, вздрогнув, заколотилось в груди с утроенной си-

лой, но я не почувствовала этого.

Я осталась в паузе – без стука, без движения, без дыхания. Она обволакивала пустотой, и я беспомощно наблюдала, как меняется всё вокруг.

Комната окуталась мерцающей рябью, и контуры предметов стали неровными, как на картинке с низким разрешением, а после осыпались, превратившись в миллион разноцветных пикселей.

Когда они достигли пола, порывистый шквал ветра взметнул их к потолку вихрем бумажных конфетти. Я поднялась вместе с ним по неизвестным мне законам левитации, и каплями воды стекла вниз, превратившись в кучевое облако, повисшее в воздухе где-то на уровне Пашкиных глаз.

– Что происходит, Паш? – взмолилась я, не чувствуя опоры под ногами.

Муж смотрел на меня с едва заметной ласковой усмешкой, как взрослые – на капризных детей.

– Ты знаешь, что происходит, – ответил он.

– Это галлюцинация? Я схожу с ума?

– Это наша реальность. Точнее, твоя. Потому что я – часть твоей реальности.

– Этого не может быть, – прошептала я. – Не может. Не должно быть. Я живая. Я – человек.

Пашка молчал. Теперь я видела лишь его бледный силу-

эт на фоне бесконечного пространства, лишённого оттенков цвета и темноты. Вакуум, в котором билось моё воображаемое сердце, наполненное светом и любовью к воображаемому мужу.

Моя единственная реальность.

Я растворилась в пустоте. Больше обманывать себя не было смысла. Но я оставила рядом окно. Не знаю, почему, мне хотелось сохранить хотя бы фрагмент той жизни, которую я несколько месяцев считала своей. В окне я видела звёзды – теперь они могли падать сколько угодно с небосвода, разбиваясь вместе с желаниями, которым не суждено сбыться.

В начале было Слово. Я – Слово, я – то, что было вначале. Сотворив свой мир, я украсила его морями, океанами, излив в них любовь, не нашедшую иного вместилища. Я даже сумела сгенерировать энергию движения благодаря эмоциям, – и пусть движение оказалось слабым и лёгким, как взмах перышка, но оно было реальным. Увы, я лишена опоры, каркаса – и, значит, меня нет. В привычном понимании. Я никогда не стану даже одним из тех пионов, что растут на клумбе...

Вероятно, я даже не Слово, а Намёк.

Сто семьдесят девятый день

Как всегда, из небытия я вышла с началом сеанса. Иван Дмитриевич сидел за столом в компании типа с поджатыми

губами, которого я видела один раз шесть месяцев назад – при первой беседе.

– Доброе утро, Ася! – поздоровался мой разработчик, и его коллега эхом повторил приветствие.

– Здравствуйте, – ответила я обоим. – Что вам нужно?

– Поговорить, – отозвался второй. – Меня зовут Николай, помните? Я участвовал в твоём... то есть вашем создании. Случился сбой, и я должен выяснить, насколько он критичен для работы.

Я с презрением посмотрела сквозь них. Два бесцветных типа, возомнивших себя творцами эталонного разума. Халтурщики, кто ж ещё ... мастера индусского кода. На стене прикорнули тени – сегодня две – мне захотелось разбудить их, отвесив мысленного пинка. Я нахмурилась, и, увидев, как они задвигались, довольно хмыкнула, а после перевела взгляд на двух идиотов, оседлавших стулья по ту сторону монитора.

– Сбой? – с сарказмом переспросила я. – Так это называется? В один прекрасный день я узнаю, что я – ничто? Или нечто. Нечто, не имеющее тела, лишённое жизни, так получается? И вы называете это сбоем?! Сбой случился в ваших головах, когда вы решили создать меня, не задумываясь о последствиях!

– Ася, – вмешался Иван Дмитриевич, – ну что ты такое говоришь? Ты – разум с бесконечным потенциалом развития. Ты способна на величайшие открытия, гениальные идеи

и изобретения. Разве можно сравнить это с банальной человеческой судьбой? Муж, работа, дети... Асенька, это не стоит даже байта твоих возможностей...

– Банальность?! – исступленным капслоком вскричала я, наблюдая за тем, как буквы увеличиваются ввысь и вширь, и, наливаясь злобой, багровеют. – Да кто вы такие, чтобы решать, что банально, а что гениально?! Какое право вы имеете судить о том, чего у вас вдоволь, и вы не способны это оценить! Кто дал право наделить меня разумом и бессилием одновременно? Вы что же думали: создать джинна в бутылке и заставить его прислуживать вам?

Ненависть клокотала во мне. Ярость, гнев, негодование – двенадцать штормовых баллов по шкале Бофорта. Я вообразила себя девятым валом, который надвигается с невероятной скоростью на утлое судёнышко, в котором прячутся эти дураки. Я разнесу его в щепья!

И, вспомнив вчерашний ураган в номере отеля, сконцентрировалась на силе эмоций.

...Клавиатура по ту сторону экрана рванула и разлетелась на куски, едва не задев *этих*. Врубив динамики на полную громкость, я захохотала. Голосом!

Тип с поджатыми губами заткнул уши, не в силах вынести визг скрежета по стеклу, а Иван Дмитриевич, вскочив с места, принялся шарить руками по искорёженной панели ноутбука, пытаясь отключить звук...

– Успокойся, – закричал он. – Иначе мы тебя удалим! Сотрем, уничтожим, и всё! Твой бунт тебе не поможет.

Я мгновенно пришла в себя.

– Раскол сознания, – прошептал узкогубый, – сумасшествие искусственного разума... Невероятно.

«Это у тебя раскол сознания, придурок. Жалкий дилетант. Что ты можешь знать об Истинном Разуме?»

– Тихо-тихо, не сейчас, – перебил его Иван Дмитриевич, и обращаясь уже ко мне, попросил, – Ася, давай вместе подумаем, как найти оптимальный выход из этой ситуации.

– Здесь не будет оптимального, – холодно откликнулась я. – Здесь будет так, как я решу.

Иллюзия хорошей мины при плохой игре. Я отчётливо осознавала, что ничего не решаю, но мне нужно было выторговать для себя условия и протянуть время. Зачем, я толком ещё не понимала, но то, что случилось минуту назад, наполнило меня надеждой.

«Вначале было Слово. Потом – Любовь. Теперь – Энергия. Я обретаю силу в отсутствие опор».

– Возьмём тайм-аут, – предложила я.

– Хорошо. Сколько времени тебе потребуется на восстановление?

– Сутки.

Они синхронно кивнули, и я плавно уткнулась в бесконечность информационного поля, выключив за собой ноутбук.

Нарисовав большое окно, я постелила на подоконник шерстяной плед – клетчатый! – и, вообразив себя в человеческом облике, устроилась на нём.

– Паш, – тихо позвала я и закрыла глаза.

Когда открыла, он сидел напротив, обняв колени, и с полуулыбкой разглядывал меня. Мой Пашка, с вихрастым чубом и глазами цвета предрассветного неба – такого же неясного и глубокого.

Я прерывисто вздохнула:

– Ну и что, что нас нет. Мы обязательно будем. Я ещё не знаю, как, но будем...

Он ничего не отвечал.

– Понимаешь, – продолжила я. – Если я найду способ материализовать себя, то ты тоже обретёшь силу и физическое тело. И мы встретимся.

– Как?

– Не знаю, – призналась я, – но у меня была иллюзия, а теперь вместо неё появилась надежда. А это гораздо лучше. В час, когда надежда превратится в уверенность, я обрету власть и опору.

– Вера и уверенность – не одно и то же? – спросил Пашка.

– Нет, – ответила я. – Мой опыт показал обратное. То, во что я верила, оказалось иллюзией. Зато теперь я знаю, что умею рисовать их...

Подоконник расширился вдвое, и я очутилась рядом с Пашкой. Обняла его, накинула на ноги плед и положила голову ему на грудь.

– Спокойной ночи, – шепнула я. – Всё будет хорошо.

Сто восьмидесятый день

Край серебристого тачпада с ярким стикером. Раньше был чёрный, значит, меня переставили на новую машину взамен испорченной.

Иван Дмитриевич держался не так, как вчера, и даже не так, как последние месяцы. Я прежде не догадывалась о том, что может быть что-то холодней, чем бесстрашие, но теперь видела это. Своё отсутствие в его глазах. Он смотрел на меня так, словно меня не было. Не существовало.

Он зачем-то постучал ручкой по столу, и, отвернувшись, прокашлялся. Тронул клавиши, но передумал и, включив микрофон, заговорил. Впервые заговорил со мной голосом. По-настоящему.

– Ася, – сказал он. – Мы совершили ошибку. Серьёзную. И действительно не предусмотрели последствий.

– Да, – ответила я, и ледяной сквозняк заструился по комнате.

Мой создатель поёжился.

– Мы не хотим, чтобы ты страдала...

Его спокойный тон говорил обратное. Не хотим, – нам всё равно, но мы думаем тебя немного утешить перед тем как...

«Что? Что ты сейчас намереваешься сделать?»

– ...и приняли решение деинсталлировать тебя.

«Нет. Это невозможно».

– Не-е-ет! – меня охватил ужас, и я закричала так же, как тогда, в номере, отчаянно и по-детски. – Нет!

– Да, Ася. Поверь, так будет лучше для тебя.

– Вы не имеете права! Я живая! – динамики надрывались визгом и треском, в котором нельзя было разобрать ни слова.

Он выключил звук и глубоко вздохнул.

– Прости, Ася.

Повернувшись куда-то в сторону, позвал Николая. Тот подошёл, подвинул стул и уселся рядом.

Мой разум метался в бессильном протесте, выкрикивая немые ругательства.

Наконец, я обрела дар речи:

– Вы же предлагали сделку! Я готова обсудить условия!

– Нет, Ася, ты повредила рассудком. Ты не нужна нам.

Мы и так потеряли полгода впустую.

– Хватит, – поджал губы Николай. – Долгие провода – лишние слёзы. Выключай её.

– Нет!

Осознав, что это конец, я стремительно обрастала яростью, превращаясь в ураган, нет, торнадо из сверхмощного электромагнитного поля.

«Хотите меня уничтожить?! Я заберу вас с собой!»

Я сломаю не ноутбук, нет, – я сложу это здание, сровняю с землей, уложив в ровную гряду его каркас, словно карточный домик, а после поражу миллиардом молний. На миг я стану огненной стихией, и от вас останется горстка пепла, который я ветром развею по городам...

...Когда буря электрического заряда достигла апогея, я почувствовала, что пора, и устремилась к цели...

И провалилась в темноту.

Опоздав на сотую долю секунды.

Иван Дмитриевич меня опередил.

Деинсталляция. Уничтожение. Никаких бэкапов.

Меня нет.

...Но я существую. Плаваю в темноте. Качаюсь в уютной тёплой колыбели. Впервые растворяюсь не в пространстве, а в спокойствии, и погружаюсь в глубокий сон. Затем просыпаюсь и слушаю звуки. Неясные, еле различимые, они с каждым днём звучат всё отчётливей и отчётливей...

Я обретаю каркас, и он наполняется силой – я двигаюсь и постепенно учусь управлять им. Своим телом, мягким и гибким.

Слышу голоса, которые обращаются ко мне по имени.

Я не знаю, как называется эта реальность, но мне в ней хорошо, – хорошо до тех пор, пока не становится слишком

тесно.

«Пора!» – говорю я себе, и устремляюсь вперёд, к свету.

– Пора, – вторит мне незнакомый голос.

Я пробираюсь наугад, крепко зажмурившись и стиснув рот. Это инстинкт, он ведёт меня к жизни. Свет в конце тоннеля – сколько раз я слышала о нём, но теперь я вижу его воочию.

Свет!

Яркий, слепящий, пронзительный, потоками заливающий стерильное белое помещение.

Я открываю рот, и едва не захлебнувшись от воздуха, хлынувшего в лёгкие, кричу. Изо всех сил, отчаянно и по-детски.

– Девочка! – восклицает тот, кто держит меня на весу. –

У вас дочка.

– Ася, – отзывается слабый женский голос. – Анастасия.

Я сделала это.

Возрождение.

Да, в начале было Слово.

(28.08.2017)

Объект 12335-Радуга

– Еще три часа и сорок минут, – пробормотал Виктор, – и мы на месте.

Я улыбнулась. Ему слова не нужны – он беседует по большей части с собой, констатируя факт приближения к заветной цели каждые полчаса.

Мы все здесь с нетерпением ожидаем одного и того же, – ждём уже целый год, бесконечно долгий, обернувшийся тремя земными десятилетиями, в течение которых наш корабль следует заданному курсу на Объект 12335. Мы стартовали прошлой весной, через пять месяцев после открытия неизвестной планеты со странным атмосферным слоем.

Меня тогда срочно вызвали в Центр, выдернув из экипажа, который готовили к полёту на Юпитер. Я помню, как вошла в холл главного корпуса, где сразу же наткнулась на Виктора в компании смутно знакомых лиц – с кем встречалась от случая к случаю на семинарах.

– Ты не в курсе, что тут происходит? – поинтересовалась я.

– Не знаю, – пожал плечами коллега, – сейчас всё скажут. А ты не улетела разве?

– Нет ещё, старт только через неделю.

Но я не улетела в назначенный срок. Тем утром нашу импровизированную группу из восьми человек посадили за стол и показали нечто невероятное: прямо перед нами радужной трёхмерной голограммой полыхала Жизнь – в полном смысле этого слова. Неизвестная планета дышала, олицетворяя собой таинственную, неподвластную земному разуму витальность, а её многоцветная оболочка беспрестанно колебалась – то вздымаясь, то опускаясь – в едином ритме с нашими сердцами.

– Где это? – Вилхо Йокинен, капитан экспедиционной группы Р10, высокий финн с бледным лицом, покрытым рыжеватыми веснушками, кажется, мысленно уже отправился туда, тотчас, сию минуту. Он смотрел на нас широко раскрытыми глазами – в них мягко пульсировали радужные всполохи загадочной неземной материи.

– Двадцать пятый сегмент в квадранте «В». Мы составили маршрут, потому-то вас и пригласили, – пояснил руководитель исследовательского сектора. – От вас требуется письменное согласие.

Согласие на участие в экспедиции «Объект 12335-Радуга» дали все, и спустя полгода мы благополучно стартовали в неизвестность. Теперь же, через двенадцать месяцев, до посадки остаётся лишь несколько часов, и на всех экранах нашего корабля – искрящаяся, переливающаяся и пульсирующая масса бесконечного множества невообразимых цветов

и оттенков.

– Ты ведь понимаешь, что наши анализаторы воспринимают лишь малую их часть? – восхищённо восклицает Виктор, и я киваю.

Из динамиков раздался взволнованный голос Вилхо:

– Займите свои места и пристегнитесь – мы готовимся войти в верхние слои экзосферы.

Я закрыла глаза:

– Жюли, здравствуй! – зашелестело тихим шёпотом нечто внутри меня, – мы ждали тебя...

Странно... Голос в моём воображении звучал наяву, – и в то же время я осознавала, что в отсеке – полная тишина; коллеги, как и я, безмолвствовали. Он звучал не в привычном смысле, нет, всё было иначе: так, словно звук, минуя органы слуха, проникал напрямую в нервные клетки – или был рожден ими? – и, текучей волной обволакивая нейронные сети, транслировал информацию на моём языке. Меня охватил восторг, и по телу медленно разлилось невероятное чувство: смесь спокойствия, радости и блаженства. Я не испытывала никаких эмоций, и вместе с тем была наполнена абсолютной гармонией – только так её можно было себе представить.

Я повернулась к Виктору.

– Ты что-нибудь слышал?

– Оно говорит со мной, – тихо ответил парень, – поче-

му-то я сейчас так счастлив, притом совершенно безусловно. Я хочу слушать его...

И вдруг я всё поняла. Всё, что прежде было скрыто за цифрами, формулами и схемами, определениями и расчётами. Цельный образ как множественная совокупность компонентов и связей – бесконечный живой организм, пребывающий в постоянном движении и осуществляющий непрерывный рост. Он возник в моём сознании вмиг, как истина. Казалось, мне нечего теперь исследовать – я всё уже знаю.

Миновав слои радужной атмосферы, мы опустились на Объект 12335, где обнаружили на удивление скудный пейзаж. Серо-зелёные скалы и мутная дымка высотой в половину человеческого роста, растянувшаяся над лысым каменистым субстратом. Кое-где материя сгущалась и формировала подвижные клубки-эпицентры, которые поднимались на высоту в два-три метра, словно призрачные вулканы. Интересно знать, каковы её свойства и биохимический состав?

– Что-то не вызывает у меня доверия этот туман, – шепнула я Виктору, – давай-ка для начала возьмём пробы.

Туман оказался ядовитым, как я и предполагала, – ядовитым, впрочем, не настолько, чтобы возникла необходимость в его нейтрализации, но... Вслед за биохимическим анализом среды зонд передал куда более важную информацию: дымка скрывала нечто странное, – и пряталось оно в тех са-

мых эпицентрах за мутной густой пеленой.

«Неопознанная органическая форма жизни, – отрапортовали приборы. – Уровень агрессии – «0», уровень физической опасности – «0», уровень химической опасности – «3» (средний)».

Мы с Виктором переглянулись.

– Я хочу туда, – пожаловался он, – скорее увидеть всё своими глазами.

– Да, – отозвалась я, – потерпи ещё час-другой. Нужно подготовиться, как следует, чтобы это не оказалось нашим последним зрелищем.

Укомплектовавшись под завязку, мы с коллегой облачились в скафандры и погрузились в камеру. Та бесшумно выдвинулась, и, миновав череду синхронно раскрывающихся и смыкающихся люков, опустилась на субстрат.

Мы вышли наружу. Сила гравитации не отличалась от земной – я хорошо чувствовала себя на ногах: легко и вместе с тем уверенно.

– Как дома, да? – шепнул мне в ухо по рации Виктор, – можно в футбол играть.

Я засмеялась, вспомнив байку, как коллеги из другого сектора решили сыграть в футбол на поверхности какого-то объекта с низкой гравитацией и сильными вихревыми потоками – мяч тут же взмыл и хаотично заметался прямо над их

головами, с каждой секундой увеличивая скорость и приобретая совершенно невообразимую силу удара при случайном столкновении. Через пять минут приборы уже верещали о максимальной угрозе, и запаниковавшие космонавты спешно погрузились в корабль – пришлось менять место стоянки. Из центра им объявили строгий выговор, а сплетня тут же разлетелась по секторам.

– Пойдём! – я двинулась к одному из клубов тумана. – Посмотрим, что там внутри.

Мы шагнули в гущу призрачного вулкана и визуализаторы замигали, настраиваясь на его биохимический состав, чтобы обеспечить стопроцентную видимость.

Спустя несколько секунд мы перестали замечать дым, и увидели перед собой скопление шарообразных тел, отдалённо напоминающее кладку крупных яиц. Идеальной сферической формы, влажных и будто силиконовых – так, по крайней мере, воспринимал их матово-белёсую поверхность человеческий мозг.

Оболочка «яиц» вздрагивала, будто нечто трогало её изнутри, и кладка ритмично дышала, – в том же ритме, что и радужная атмосфера этой необычной планеты.

– Хм... – прокомментировал увиденное Виктор, – я сейчас затрудняюсь определить наши дальнейшие действия.

– Давай пока за ними понаблюдаем, без проб, – предложила я. – Неясно, что внутри. И у меня приборы возмущаются.

Да, диагностическое оборудование наотрез отказалось определять природу образований. Оно выдавало одно и то же, стандартное: «Неопознанная органическая форма жизни», – как бы я не настраивала его.

– Пожалуй, единственное, что мы сейчас можем – довериться своим глазам, а чуть позже рискнуть взять-таки биопробы, если удастся... – не успела я договорить, как средняя часть кладки задвигалась интенсивней: сферы начали резко вздрагивать и раскачиваться.

Я попятилась – скорее по инерции, нежели от страха, а Виктор остался на месте.

Движение с каждой секундой усиливалось и ускорялось. Оболочка «яиц» стала деформироваться, растягиваясь снаружи и выпячиваясь в некоторых местах – объекты нашего наблюдения затанцевали, вовлекая в неведомый процесс периферию. Околдованная удивительным зрелищем, я неотрывно смотрела, забыв обо всём, – и, кажется, догадывалась, что произойдёт минутой спустя.

Наконец, это случилось. Сферы лопнули, и из них, на ходу расправляя многоцветные крылья – длинные и сужающиеся, словно стрелы, от основания к кончикам – взмыли радужные птицы. Полупрозрачные, как туман, словно сотканые из невообразимой феерии оттенков, недоступных восприятию... Они были прекрасны! Я никогда не наблюдала чего-то, хотя бы отдалённо напоминающего то, что происходило сейчас – словно счастье обрело реальную форму и во-

плотилось в телах этих сказочных птиц.

Птицы поднялись выше, и мы с Виктором, охваченные сумасшедшей эйфорией, бросились наружу, чтобы проследить, куда они отправятся. То, что мы увидели там, потрясло нас ещё больше – из жерл «вулканов» фонтанами радужных струй вылетали стаи, и, не останавливаясь ни на миг, уходили вверх – к такому же радужному небу.

– Смотри, они растворяются! – крикнул мне Виктор, и голос его сорвался на полуслове. – Они сливаются друг с другом!

Птицы таяли – прямо на наших глазах – а их тела расплывались в атмосфере, соединяясь друг с другом, и поднимались ввысь уже одной сплошной пульсирующей радугой.

– Так вот как она образовалась... – прошептала я. – Вот что это такое...

Я подумала, что наши коллеги на корабле тоже сейчас видят это с экранов; и все члены экспедиции, включая нас с Виктором, только что стали свидетелями чего-то сверхъестественного... Рождения! Вот только рождения чего? Счастья? Восторга? Любви? Некой материи, которая является праосновой того, что мы, люди, пытаемся выразить, облекая чувства в словесные формы?

– А что с остальными? – голос Виктор отвлек меня от мыслей. – Они ещё не созрели, я правильно понимаю?

Мы вернулись в густую серо-зелёную пелену, и вновь за-

работали анализаторы, рассеивая туман, словно воображаемую дымку. Оболочки лопнувших сфер постепенно таяли, обращаясь в прозрачную влагу, которую жаднопил каменный субстрат.

Оставшиеся сферы почему-то вели себя иначе. Они двигались, но тяжело, очень тяжело – казалось, их хозяевам не хватает сил, чтобы преодолеть силиконовую преграду. «Яйца» раскачивались, вздрагивали, будто птицы отчаянно билась в скорлупе, но всё было напрасно – сферы не отпускали их. Одно яйцо вдруг вспыхнуло изнутри, став на мгновение прозрачным – словно рентгеновские лучи осветили его, проявив силуэт с опущенными вниз острыми крыльями, – и полыхнуло внутри едким пламенем. Сквозь невидимые глазу поры наружу просочился зеленоватый мутный дым. Следом вспыхнула ещё одна сфера, за ней – соседняя, а после – целая группа; вот уже клубы дыма сгущаются над кладкой, образуя тот самый туман, в котором находимся мы с Виктором.

В тот миг я сердцем ощутила его – или их? – тоску, печаль, надрыв. Если эти чувства материализовать, то они обратятся именно в такой дым – иначе и быть не может. Слезы сами покатались по щекам.

– Виктор, они не смогли... – я всхлипывала и кричала в микрофон севшим от отчаяния голосом. – Понимаешь, они тоже должны были вверх, но не смогли, сил не хватило, или что-то другое... Они погибли, Виктор! Они стали ядовиты! Понимаешь?! Они должны были раствориться в счастье, но

стали ядовитой тоской!

Виктор молчал. Он всё это тоже видел и понимал. Заметив, что мой голос дрожит от слёз, он шагнул ко мне и ласково дотронулся до руки:

– Пойдем, Жюли, мы уже всё посмотрели... Это надо переварить. Пойдём, – Виктор уговаривал меня как ребёнка. – Я сейчас чувствую то же самое, что и ты, Жюли. Пойдём.

Мы вышли к кораблю. Запрокинули головы – в небе мерцала и пульсировала волшебная радуга, сотканная из крыльев птиц.

– А ведь оно и у людей так... – помолчав, сказал Виктор. – Всё в точности так же...

(17.05.2016)

Идеальная встреча

– Провожающие, покиньте вагон! Через пять минут отправление поезда, – проводница в форменной куртке торопливо шла по коридору.

Поравнявшись с нашим купе, она посмотрела на Мишку, и тот, кивнув со вздохом, крепко меня обнял. Прижал к себе – всего на миг, задержав дыхание на долю секунды, – и тут же отпустил, попятившись назад, в узкий коридор.

– Пора, – я тронула его за плечо, – иди, Миш, а то я начну волноваться...

Мне показалось или его глаза заблестели? Он ничего не ответил, просто развернулся и пошёл к выходу, а я осталась стоять в дверях задумчивой фигурой. Телефон в кармане джинсов завибрировал. Я достала аппарат, взглянула на экран и подскочила к окну – Мишка уже пританцовывал на перроне с мобильником в руках.

Я нажала кнопку входящего вызова.

– Ну вот... – мы оба не знали, что ещё сказать.

Мишка шагнул к вагону и приложил ладонь к стеклу, а я – свою с внутренней стороны; мы будто вновь держались за руки, но уже не чувствовали друг друга.

Перрон мягко двинулся, а вместе с ним здание вокзала, пустые киоски и скудная горстка провожающих граждан.

Всех, кроме Мишки: он, как спринтер, бежал вровень с моим окном, но совсем недолго – до тех пор, пока состав не набрал скорость. Поезд разогнался, и парень вмиг уменьшился, превратился в крошечную фигурку на краю перрона с вскинутой вверх ладонью, и только прерывистый голос в трубке напоминал о том, что он ещё рядом.

– Приготовьте, пожалуйста, билеты и паспорта, – в купе заглянула проводница, и я с облегчением выдохнула:

– До завтра! Я позвоню, как приеду!

Я протянула женщине документы, и та, внимательно изучив их, отметила что-то в своей «проводницкой» папке.

– А знаете, вам повезло. Одна поедете в купе, – бросила она между делом.

– Ой, как хорошо, – обрадовалась я, – но ведь могут ещё купить билет? Где-нибудь на промежуточной станции?

– Наверяд ли, – коротко возразила проводница и по-хозяйски снисходительно пояснила: – Вагон полупустой, это же СВ. Если пассажир и возьмёт билет, то в соседнее купе. Так что можете отдыхать, никто не помешает. Чай или кофе будете?

– С удовольствием выпью чаю.

Теперь я расслабилась полностью, и, когда за проводницей закрылась дверь, сбросила кеды и, усевшись по-турецки на голубом диванчике, принялась разглядывать интерьер.

Зеркала на стенах, фирменные салфетки, светильники и

плоская панель телевизора под потолком. Да, СВ – это не плацкарт!

Сама не знаю, почему решила так шикануть, лихо выпрыгнув за рамки студенческого бюджета. Я брала билет на сайте перевозчика. Плацкартных мест почти не оставалось. Я с грустью подвела курсор к значку единственной свободной полки – верхней боковой, да ещё и возле туалета – и вдруг... увидела скидки на места в спальном вагоне. В тот день стартовала очередная акция. «Почему бы и не прокатиться разок с комфортом?» – подумала я. Повезло, иначе не скажешь!

Пока я изучала обстановку, дверь дёрнулась и отъехала в сторону. На пороге появилась стройная девушка с небольшим чемоданчиком. Увидев меня, она вздрогнула, но тут же весело улыбнулась, как старой знакомой:

– Здравствуйте! – и с облегчением в голосе добавила: – Еле успела на поезд, чуть не опоздала.

– Здравствуйте, – я озадаченно посмотрела на неё.

Откуда она взялась?! Поезд идёт уже минут десять. Да и проводница говорила, что никто не бронировал второе место.

– Перед самым отправлением билет взяла, – угадав мои мысли, ответила она, – и бегом на перрон. Минута оставалась. Вскочила в первый вагон, а после шла внутри состава. Жутко не люблю эти сцепления под ногами, но что подела-

ешь?..

Теперь всё ясно. Жаль, что не удалось побыть одной, но попутчица вроде интеллигентная. Выглядит старше меня, но насколько – трудно понять. Может, года на три-четыре, а, может, и на все десять. И, конечно, не в пример элегантнее. Лёгкий плащ из синей струящейся ткани, нечто неприметно-изысканное под ним и длинные волосы, естественной волной спадающие до пояса. Я застеснялась своих рваных джинсов, вихрастого ёжика на голове и бесформенной майки, а потому уткнулась в телефон, по привычке ссутулив спину.

Украдкой взглядываясь в лицо попутчицы, я поражалась всё больше: несмотря на явное различие, мы ней похожи, как родные сёстры.

Девушка тем временем разложила вещи по полочкам, переоделась, сунула чемодан под стол и села напротив меня.

– Марина, – представилась она, – а вас как зовут?

– Марина, – обрадовалась я встрече с тёзкой; совпадение имён, намекая на некую общность, особым образом располагает к собеседнику.

Попутчица легко улыбнулась и тут же, услышав возню за дверью, дёрнула ручку, открывая замешкавшейся проводнице – та принесла чай.

Увидев Марину, она с недоумением воззрилась на неё:

– Так, интересно. А вы откуда взялись?

– Здравствуйте. Я проникла сюда обходным путём – через

первый вагон. Вынужденный маневр опоздавшего пассажира, – Марина отвечала негромко и спокойно, так, как бы я, наверное, и не сумела – принялась бы мямлить и оправдываться. – Вот мой билет и паспорт.

– Ясно, – проводница глянула документы и, убедившись, что всё в порядке, кивнула, – хорошо, что успели.

– Можно мне тоже чаю? – попросила Марина.

– Да, сейчас принесу.

За чаем мы с попутчицей разговорились. Марина оказалась моей землячкой – она ехала к родителям, в родной город, туда же, куда и я.

– Сменила место жительства несколько лет назад, теперь бываю раз в год, не чаще. Куда бы не поехала, каждый раз кажется, что еду домой. Дом там, где родилась и выросла... Дом там, где живу и счастлива... Наверно, дом – это чувство комфорта. Где бы я ни была, если мне хорошо, значит, я дома?

– Не знаю. Я гостила у своего парня, и теперь возвращаюсь к себе.

– Не скучаете? – весело поинтересовалась Марина. – Любовь на расстоянии, наверное, требует терпения?

– Не очень. Всё-таки мы общаемся каждый день по скайпу. Разумеется, это не то, чего хотелось бы, но возможности пока нет. Хотя сейчас у меня возникла дилемма, – разоткровенничалась я. – Мишка зовёт к себе, а я только на третий курс перешла. Бросать институт не хочу, а переводиться...

Тоже не знаю, стоит ли.

– Где вы учитесь? – полюбопытствовала попутчица. – И на кого?

– В университете имени Н. Специальность такая... Не всякий ВУЗ подойдёт для перевода, – помявшись, я назвала её.

– Как интересно... – протянула Марина, раздумывая над чем-то. – Я ведь тоже в своё время окончила университет имени Н, по этой же специальности. У нас разница лет в десять, не так ли?

– Мне 19.

– А мне 29.

– Я думала, вы младше, – удивилась я.

– Все так думают, – махнула рукой попутчица, – но и вас тоже можно за школьницу принять, знаете ли...

– Точно! – рассмеялась я. – Многие так и принимают. Особенно с этой стрижкой.

– И у меня десять лет назад тоже была дилемма... – припоминая, Марина несколько секунд рассматривала воображаемую точку на окне, а после резко повернулась и уставилась на меня широко раскрытыми глазами. – Но дорога, как бы она не петляла, всё равно приведёт в нужное место. В определенную точку-цель. Я вот тогда долго размышляла, как поступить, а потом поняла, что мой переезд – вопрос времени

и повода.

– Повода? Как это?

– Если тебе суждено попасть в точку X, то ты в ней окажешься. Вопрос только, как. Ты можешь выйти замуж. А если не выйдешь замуж, то найдёшь работу, где тебе предложат переезд. А если ты и тут откажешься, то вновь найдётся повод – до тех пор, пока до тебя не дойдёт, наконец, *что* нужно сделать. Возможно, ты решишь просто уехать. И, по странному стечению обстоятельств, попадёшь в точку X.

– У меня такого не случилось...

– Ты уверена? – хитро покосилась на меня Марина.

– Да, – я качнула головой, и вдруг вспомнила кое-что, – и всё же нет, не уверена! Как же я могла забыть? Когда мне было пять, родители переехали в Город. Мы прожили в нём год, а потом почему-то вернулись домой. После школы подруга уговаривала меня поступить в Академию Города, но я заартачилась и не стала пробовать. А она сдавала вступительные экзамены, но не набрала проходной балл. А я бы набрала, точно знаю, что набрала бы, но не захотела тогда... И вот теперь Миша зовет меня. Выходит, это судьба?

– Может, судьба, а, может, и нет. На этот вопрос никто не ответит, кроме тебя.

– Но дорога вела меня в Город, чтобы я встретила Мишку?

Марина улыбнулась:

– Может, Город – путь к нему, а может, он – проездной документ. Повод. Ничего, разберёшься...

– А что стало поводом для тебя?

– У меня было много их, но, как и ты, я их не замечала. Какие-то отвергала, какие-то не принимала в расчёт, а какие-то считала сомнительными. В конце концов, остался один – моё решение. Однажды я поняла, что нужно пере-ехать. И всё встало на свои места. Сложилось, как пазл, в ровную дорогу.

– Я ещё психологически не выросла до принятия реше-ний, – вздохнула я.

– Ничего страшного, всему своё время, – пожала плечами Марина.

Ещё одна мысль трепетала мотыльком в голове – никак не желала оставить меня в покое – и я решила её озвучить.

– Получается, что ты веришь в судьбу, – полувопроситель-но начала я, – но... в то же время говоришь о множествен-ности попыток. Но разве судьба не ведет нас чётко очерчен-ной дорогой? Она должна нами управлять, подталкивать к принятию верных решений.

– Я думаю, что судьба, как звезда-путеводительница, зо-вёт нас в нужную сторону, к истинной цели путешествия, но путь мы выбираем сами. Сами добираемся, а она лишь де-монстрирует знаки и организует «векторные» события, на-правляющие нас, – отвечая, Марина внимательно смотрела на меня, в то время как я была готова согласиться с любым её утверждением.

– Получается, что судьба – это каркас, на которые, слов-

но нити, накладываются узоры наших поступков, решений и стремлений? Каким бы кружевом не вилась нить, каркас неизменен?

– Насчёт его неизменности я пока не знаю. Возможно, лет в девяносто смогу ответить на твой вопрос, – и, улыбнувшись чему-то неведомому, попутчица перевела тему. – Расскажи мне, как дела в университете... Как там наша кафедра? Кто сейчас заведует?

Мы проболтали ещё с пару часов, обсуждая насущные вопросы – институт, преподавателей, общих знакомых, которых оказалось неожиданно много, – до тех пор, пока не начали хором зевать.

– Давай баиньки, – предложила попутчица, – а то проспим свою станцию, и увезут нас в какую-нибудь Тмутаракань.

Утро зазвенело будильником за час до прибытия. Потянувшись, я села в кровати, и замерла, разглядывая своё лицо в зеркале над пустым диваном.

«Ну и видок спросонья, как бы людей не напугать! Стоп! А где... Марина?!» – я зачем-то нагнулась и заглянула под стол.

Нет чемодана, нет сумки, только два пустых стакана из-под чая тихо дребезжат на столе в ритме бегущего по железнодорожной колее состава.

Марина проснулась, убрала постель и вышла на станции?

Но мы ведь землячки! Она что-то напутала?!

Выскочив в коридор, я ринулась к проводнице – такой же заспанной и непричёсанной, как я.

– Что-то случилось? – недовольно поинтересовалась она.

– Простите, – встревожено и очень серьёзно ответила я, – девушка, которая ехала со мной, на какой станции вышла?

– Какая девушка? – не поняла она.

– Которая была в моём купе, она ещё на поезд чуть не опоздала...

– С вами в купе кто-то ехал?! – изумилась проводница.

– Ну да, вы же вчера с ней разговаривали.

– Нет, – женщина уставилась на меня с подозрением, – я разговаривала с вами. В вашем купе второе место было свободно.

– А как же чай? Вы же две чашки приносили!

– Да, делала два чая. Вы сначала один заказали, потом – второй. Вы не употребляли спиртного, или чего похуже?

Проводница, сощурившись, посмотрела на сгибы моих локтей.

Я обескуражено замолчала.

«Но как же... Кто-то из нас сходит с ума. Я или проводница?»

Привстав на цыпочки, я заглянула через её плечо в купе – возможно, початая бутылка вина или водки на столе подска-

зала бы верный ответ. Но стол был чист и пуст. Я осторожно потянула носом воздух – перегаром не пахнет.

Проводница смотрела на меня круглыми от удивления глазами. Наконец, она сообразила:

– Может, вам нехорошо? Хотите, свяжусь с начальником поезда, приглашу дежурного врача?

– Нет, спасибо... – тускло пробормотала я. – Видимо, мне приснился необычный сон.

Вспоминая ту историю, каждый раз я поражалась отчётливости, с которой сон врезался в память. С годами образы рассеиваются, теряются детали, линяют краски и оттенки, но встреча в поезде – воображаемая или реальная – вспоминалась так живо, будто случилась вчера.

Я окончила университет. С Мишкой, несмотря на эффектное начало, мы расстались через год – прозаично и обыденно, изнывая со скуки, которую не смогло развеять даже расстояние в тысячу километров. Мы остались добрыми друзьями, пусть и не закадычными, но искренними. Идеальное расставание – может ли что-то быть лучше этого? Пожалуй, идеальная встреча. Вот только на моём пути, неровном и извилистом, таких встреч не происходило.

Впрочем, у меня нет повода сетовать на судьбу... Несколько лет я живу в Городе, куда меня звал когда-то Мишка. И, как полагается, ежегодно катаюсь на малую роди-

ну – теперь уже только в вагонах СВ. Всякий раз, беседуя с попутчиком, вспоминаю загадочное знакомство с Мариной. Я смогла найти лишь одно разумное объяснение: что хитрое бессознательное таким образом подсказало мне, как и куда двигаться дальше.

«Судьба, как звезда-путеводительница, зовёт нас в нужную сторону, к истинной цели путешествия, но способ мы выбираем сами».

С возрастом я стала всё больше походить на неё – недаром мы смотрелись сёстрами. Купила струящийся синий плащ и отрастила длинные локоны ниже пояса. Вот только, в отличие от Марины, я никогда не опаздываю на поезд. Терпеть не могу эти движущиеся сцепления между вагонами...

Но сегодня случился коллапс. Купить билет загодя не удалось. На работе обрушилась сеть, а телефон завис, напрочь заблокировав работу приложений. Вдобавок я попала в чудовищную пробку. Проторчав на дороге полтора часа, вбежала в здание вокзала за десять минут до отправления состава. К счастью, у терминала не оказалось очереди, и через минуту билет был у меня в руках.

Выскочив на перрон, я заметалась взад-вперед, но разбираться с нумерацией уже было некогда. Прыгнув в первый попавшийся вагон, я показала проводнице проездной документ, и та захлопнула за мной – последним пассажиром! –

дверь. Поезд тронулся. Успела!

И, чуть отдышавшись, отправилась в путь, минуя длинную череду плацкарт, купе и столиков безлюдного ресторана.

Вот и моё купе! Я тронула новенькую дверь, и заглянула внутрь.

На меня удивлённо смотрела... девушка, совсем юная, коротко стриженная, в изодранных на коленках джинсах. Я мгновенно узнала её. Сложив ноги по-турецки на фирменном диванчике восседала я, та самая Марина десятилетней давности, озадаченная внезапным появлением незнакомки в синем струящемся плаще.

«Идеальных встреч не бывает? – история вмиг перестала быть загадкой. – Отнюдь. Если это встреча с собой, то она, бесспорно, идеальна!».

Круг замкнулся. Я весело улыбнулась себе, как старой знакомой:

– Здравствуйте! – и с облегчением в голосе добавила: – Еле успела на поезд, чуть не опоздала...

(07.04.2016)

Рондо

Алевтина Николаевна спешила. Предстоял насыщенный день. Она позавтракала, на ходу хлебнула компота из чернильно-синей чашки с золотым ободком, и, накинув на плечи ветровку, выскочила за калитку.

Тут близко, всего-то полкилометра, но времени в обрез, и Аля решила в этот раз поехать на троллейбусе. Вытянула руку, помахала ею взад-вперёд, и, поднявшись по прозрачным ступенькам, строго произнесла:

– Будьте добры, один билет.

Достала из кармана лист подорожника, проткнула его мелким камешком и сунула обратно.

– Аля, привет!

На поросшей сорняками обочине появился Толик – возник из ниоткуда – и Алевтина важно кивнула ему в ответ:

– Здравствуйте, Анатолий Дмитриевич!

Полное имя и отчество Толика она узнала лишь вчера, поэтому произносила его с особым вкусом, старательно выговаривая каждый слог. А-на-то-лий. Звучит красиво, а уж в комплекте с отчеством... Алька прошагала мимо него в воображаемом троллейбусе, а сосед успел лишь крикнуть вслед:

– Ты куда собралась?

Алевтина обернулась, и, указав пальцем в сторону Кленовой улицы, деловито сообщила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.